

ИСТОРИЧЕСКИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СЕРГЕЙ БУЛЫГА

ПЕРСИДСКОЕ ДЕЛО

Сергей Алексеевич Булыга
Персидское дело
Серия «Дела Разбойного
Приказа», книга 5
Серия «Исторические
приключения (Вече)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63918652

Персидское дело: Вече; М.; 2021

ISBN 978-5-4484-8537-4

Аннотация

1593 год, весна. Персидский шах Аббас Великий в знак крепкой дружбы подарил российскому царю Феодору Иоанновичу слона. Теперь «дело за малым» – нужно доставить слона из персидской столицы в Москву. А это неблизкий и весьма опасный путь вначале через бурное море Хвалынское, а после – по Волге, которая в те далёкие времена была ещё очень беспокойной, разбойничьей рекой. Берётся за это дело знаменитый сыщик Разбойного приказа Маркел Косой, хорошо известный читателям по романам «Углицкое дело», «Царское дело», «Сибирское дело» и «Золотое дело».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	59
Глава 7	78
Глава 8	91
Глава 9	106
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Сергей Алексеевич Булыга

Персидское дело

© Булыга С.А., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1

16 апреля 1593 года, в первый день Пасхальной седмицы, Маркел проснулся злой-презлой и сразу сел на лавке и долго молчал. После встал и заходил по горнице, опять молчал. Потом так же молча завтракал. Параска извелась, на него глядячи, но тоже за всё утро ни словечка не промолвила, потому что знала, что Маркел не любит, когда в доме шумно. Потом соседкам говорила: он как чуял!

А тогда вдруг прибежал Егорка, приказный посыльный, и сказал, что князь Семён велит срочно идти на службу. Маркел ещё сильнее почернел, но ничего не ответил, собрался и пошёл. Параска смотрела ему вслед, кусала губы.

Да! А служил Маркел в Разбойном приказе стряпчим. Ходить на службу ему было близко – по Кремлю, от князя Семёнова подворья через Соборную площадь к Приказным палатам, а там третье крыльцо налево, на второй этаж. Ведал Разбойным приказом князь Семён Михайлович Лобанов-Ростовский, сын князя Михаила Борисовича, матёрого душегуба опричного, как он сам себя когда-то называл.

А вот теперь его сын князь Семён срочно велел подать к нему Маркела. И это назавтра сразу после Пасхи, между прочим, вот какая тогда была спешность! Что у них там такое стряслось, сердито думал Маркел, идя следом за Егоркой. Егорка ничего не говорил, и поэтому они всю дорогу прошли

молча.

Поднявшись на второй этаж, Маркел зашёл к себе в палату, снял шапку и утёрся ею. В палате сидел один только Котька, младший подьячий. Увидев Маркела, Котька будто с удивлением спросил:

– Где это тебя пчёлы покусали?

– Какие пчёлы по такой весне?! – сердито ответил Маркел.

– А чего ты тогда такой опухший? – уже с ухмылкой сказал Котька. – Перебрал?

Вот скотина, подумал Маркел, а вслух ни слова не промолвил, прошёл, сел к своему столу и покосился на дверь. В дверь никто пока что не входил.

– Говорят, – продолжил Котька, – дело какое-то большое затевается.

Маркел ничего не ответил. Не любил он с Котькой языком трепать, а то с ним только заведи...

Но тут в дверь вошёл Степан и поманил Маркела пальцем. Маркел встал, перекрестился и пошёл.

Выйдя в сени, Маркел подошёл к двери напротив. Рында, стоявший возле той двери, открыл её. Маркел вошёл туда и поклонился великим обычаем, после распрямился и прижал шапку к груди.

Напротив Маркела, на мягкой лавке с подлокотниками, сидел князь Семён, судья Разбойного приказа. Князь молча смотрел на Маркела. Маркел ещё раз поклонился, ещё ниже.

– Э! – строго сказал князь Семён. – Не паясничай.

Маркел молча заморгал.

– Чуешь? – спросил князь Семён.

Маркел пожал плечами.

– Значит, чуешь, – сказал князь Семён. – И это хорошо. Да и чего тебе моргать? Дело на этот раз очень простое – съездить в Персию и привезти оттуда слона, вот и всё.

– Кого? – переспросил Маркел.

– Слона, – повторил князь Семён. – Это такой зверь персидский. Зверь мирный! На нём персидские девки-царевны катаются. А теперь персидский царь дарит его нашему царю. Дело обычное, цари один другому часто подарки дарят. И подарки разные бывают: бывает, дарят золото, бывает – чудеса какие-нибудь, диковины и прочую другую мелочь. А тут вдруг сразу слон, от слона много почёта. Понял?

Маркел молчал. Князь Семён строго нахмурился, сказал:

– И чего это я тебя уговариваю? Я тебе сказал, что надо делать, и ты теперь иди и делай. То бишь сейчас пойдёшь в Посольский приказ, там в персидском поvyтье сидит человек, Илья Ключев, он тебе всё расскажет. И поедешь куда будет велено!

Маркел негромко вздохнул, приложил руку ко лбу, спросил:

– Когда ехать?

– Завтра, – ответил князь уже почти весёлым голосом. – Мы же не звери. И тут чего собираться? Это же не в Сибирь ехать, а в Персию, там круглый год тепло, кругом яблоки рас-

тут, изюм. А слонов ты видел?

Маркел помотал головой, что не видел.

– Вот как раз и посмотришь, – сказал князь Семён. – Слон же зверина учёная: ему, говорят, свистнешь, и он на задние ножки встаёт, гикнешь – и он ниц ложится. Так что с ним в дороге не соскучишься. А сюда вернёшься, царь тебя пожалует. Не пожалеет, мне сказали, ничего, только бы ты скорей обернулся. И чтобы всё ловко сошлось, конечно, а то одни туда поехали, взяли слона, повезли, а он сдох в дороге.

– От чего сдох? – спросил Маркел.

– Затосковал и сдох, – ответил князь Семён. – Ещё в прошлом году, под Саратовом. От них до нас как раз на полдороге. Потому что это же надо было только сообразить – гнать зверя в такую даль пешком! Хорошо, что не нам это тогда поручили, а посольским, и они за это и ответили. Федьку Ряпунина знаешь?

Маркел опять промолчал.

– И хорошо, что не знаешь, – сказал князь Семён. – Теперь этот Федька на чеппи сидит, держат его в расспросе. Очень строго! А в прошлом году был иерой! Я, говорил, сведу его! И свёл.

Князь замолчал. Господи, подумал Маркел, за что мне ещё это? Я разве мало, Господи...

Но тут князь продолжил:

– Этот Федька, может, и не виноват совсем, он же теперь говорит, что это его так персияне научили. Мы, они говори-

ли ему, своих слонов из Индии приводим своим ходом. Так почему бы и ему так же не сделать, они говорили.

– А почему бы им ему не пособить? – спросил Маркел.

– Э, – усмехнулся князь Семён. – Так не в обычае. А в обычае так: посол к тебе приехал, ты его одариваешь, и он с твоими дарами сам по себе едет в своё отечество. И вот их посол приехал к нам, наш государь одарил его четырьмя кречетами, это очень дорогие птицы, сам знаешь, и они уже обученные, а это ещё дороже выйдет, а мы ему это в дар! И посол уехал, и привёз к себе, их государь был доволен и велел отдарить нам слона. И наш Федька взял и повёл. Но не довёл по глупости. Слон сдох! Вот какая незадача превеликая! Но их шах говорит: не беда, я дам ещё слона, взамен, приезжайте и берите. И мы сказали: приедем! И посудили-порядили, и решили, что лучше тебя никто с этим не справится.

– А это... – начал было Маркел, но тут же замолчал, смутился.

Князь Семён ещё раз усмехнулся и сказал:

– Ты не робей. Я тут прикинул... Нельзя слона пешком гонять. Надо везти его сначала морем, это от них до Астрахани, а потом, уже у нас, сперва по Волге, это до Нижнего, а после на Оку свернуть, и тут по Москве-реке уже рукой подать.

Маркел опять молчал.

– Ну, что? – строго спросил князь Семён.

Маркел ещё немного помолчал, потом сказал:

– Так тяжёлые они, эти слоны. Никакой корабль их не выдержит.

– Как это не выдержит?! – уже очень сердитым голосом спросил князь Семён. – Ты слонов видел когда-нибудь?

– Не доводилось, – ответил Маркел.

– А я спрашивал, – продолжил князь Семён. – И мне сказали, что не такая и махина этот слон. Шестипудовые мешки с зерном знаешь? Так вот: пятьдесят таких мешков – и это и есть самый матёрый слон. А в молодом слоне и сорока мешков не будет. А что такое сорок мешков для дощаника? Как пушинку повезёт!

Маркел вздохнул. И князь Семён тоже вздохнул, потом таким же невесёлым голосом сказал:

– Когда шах про того слона узнал, крепко обиделся. Поэтому второй слон сдохнуть никак не может. Да и ты не беспокойся! Ты же не один там будешь! Мы тебе стрельцов дадим и два струга, поедешь, заберёшь и вернёшься. И всё! И царь тебя щедро наградит, не поскупится, вот увидишь! Царь так и сказал: а пошлите к ним Косого! Косой, царь сказал, справится!

Маркел подумал и спросил нетвёрдым голосом:

– А что, царь про меня разве помнит?

– А как же, – ответил князь Семён, отводя взгляд в сторону. – Да и дорога тут известная: сперва по Волге до Астрахани, потом по морю, потом в их стольный град Казвин, и там можно шаха не дожидаться, там же все уже предупре-

ждены, сразу дадут запасного слона, и ты с ним как пристав поедешь. Прогонные дадим двойные, это здесь, до Нижнего, а от Нижнего уже поедешь с караваном, у тебя будет сотня стрельцов, четыре пушки, никто к вам не сунется, и так по Волге шесть недель, и ты уже в Астрахани, а там море, а сразу за морем Персия и слон. Давай, Маркел! Стрельцы уже неделю сидят в Нижнем, тебя ждут. И караван уже собран. Они двадцать пятого отходят, на преподобного Сильвестра Обнорского.

– А если я к ним не успею? – спросил Маркел.

– Как это не успеешь?! – удивился князь Семён. – Недели тебе будет мало, что ли?

– Так до Нижнего разве неделя? Всегда было две!

– А теперь будет одна, – сердито сказал князь Семён. – Иди! Ключев ждёт. Он там тебе всё растолкует!

Маркел опять вздохнул, опять приложил руку ко лбу, развернулся и вышел. В сенях надел шапку и, не заходя к себе, пошёл в Посольский приказ.

Глава 2

Это было рядом, через двор, напротив Архангельского собора. Посольские, чего и говорить, жили зажиточно: у них были отдельные хоромы, и платили им почти что вдвое больше, чем разбойным. Котькин старший брат служил в Посольском и много всяких чудес про них рассказывал. Иногда после таких рассказов...

Ну да ладно! Маркел прошёл через площадь, подошёл к Посольскому крыльцу, поднялся по лестнице, сказал каральное слово, рынды расступились, он вошёл. В приёмных сенях было тихо. У рундука сидел стрелец. Маркел спросил про Ключева. Стрелец показал пальцем вверх. Маркел поднялся на второй этаж. Там стоял ещё один стрелец, который указал налево и сказал, что это третья дверь. Маркел прошёл по галерее, подошёл к третьей двери и постучался. Из-за двери слышалось: «Кто там?» Маркел, не отвечая, открыл дверь, вошёл, снял шапку и осмотрелся. В палате было только двое посольских – один, который постарше, сидел за столом, а второй, который помоложе, стоял рядом с ним. Стол был завален бумагами. Маркел кивнул малым обычаем и бодрым голосом сказал:

– Бог в помощь.

– В помощь Бог, воистину, – ответил старший, мягко улыбаясь.

И это и есть Ключев, сразу же подумал Маркел, потому что ему сразу вспомнилось...

Но об этом после! А пока Маркел назвал себя и прибавил, что у него дело.

– Знаем, знаем, – сказал Ключев. – А как же! Садись!

И он указал на ближайшую лавку, а после махнул ладошкой – и второй посольский сразу отступил к стене и так же вдоль той стены вышел. Дверь сама собой за ним закрылась. Маркел сел на лавку. Ключев снова улыбнулся и спросил:

– Про слона?

Маркел кивнул.

– По делу всё ясно?

– По делу – всё, – сказал Маркел. – А вокруг дела – нет.

– А что вокруг дела?

– Много чего вокруг, – сказал Маркел. – Я же ни в Персии никогда не был, ни слонов никогда не видел, ни их повадок не знаю, ни чем их кормить, ни как с ними по-персиянски говорить – ничего я этого не знаю.

– А и не надо тебе всего этого знать! – сказал Ключев. – В Персию тебя свезут, а ты только сиди, по сторонам поглядывай. И слона тебе дадут. Даже, сказали, дадут на выбор. А повадка, как Ряпунин говорит, у них одна – ногами топать и в хобот дудеть.

– А что такое хобот?

– Длинный нос до земли. И вертлявый, как змея. Он этим хоботом тебя берёт и к себе на спину сажает. И ты ему по

загравку стучишь, за уши тянешь, и он едет, куда велено. И всё.

– А чем кормить?

– Люди покормят. Да и слон зверь не привередливый: его в поле выпусти, он сам пасётся. А так репу ему, брюкву, капусту, морковь, и так, когда оголодает, листья с кустов. И пиво! И винишко хлебное. Но тут не напасть, он ведро зараз выпивает.

Маркел утёр лоб и спросил:

– А пьяный он какой?

– Весёлый.

– Это хорошо, – сказал Маркел, подумал и ещё спросил: – А тот, первый, как сдох?

– Очень просто, – сказал Ключев. – Долго они шли, не топились, и наступили холода, а слон – это индийский зверь, он любит, когда тепло, а тут вдруг снег. Ну, он и замёрз, стал кашлять, а после совсем издох.

– А государь боярин говорил, – сказал Маркел, – что слон утомился так долго идти.

– И это тоже было, – сказал Ключев.

– А что Ряпунин говорит?

Ключев помолчал, подумал и ответил, что Ряпунин пока на чеши, а это значит, что его дело ещё не закрыто и обсуждать его нельзя.

– Так, может, подождать пока? – сказал Маркел. – Вдруг потом Ряпунин чего скажет важного?

Клюев в ответ на это только хмыкнул, помолчал немного и сказал, что если ещё неделю потерять, то потом, на обратном пути, можно опять попасть в морозы, и придётся зимовать на Волге, и в Москву вернёшься только через год.

— Как этот так?! — сказал Маркел.

— А вот так, — ответил Клюев. — Чтобы второго слона не лишиться. Ведь тогда что? Посол приедет и спросит, где слон, а мы что ему ответим? И получится, что они к нам со всей душой, как говорится, а мы со слоном разобраться не можем!

Маркел замолчал, задумался. Клюев не сдержался и заговорил:

— И это ещё не всё. Вот мы здесь сейчас сидим, лясы точим, а позавчера был гонец и сказал, что из Персии идёт ещё один посол, и нам его уже скоро встречать, и как тогда быть без слона? Что о нас посол подумает? Потому что знаешь, что такое слон? Знаешь, какие у него клыки? Как сабли! А ногой вот так вот топнет, и от тебя один блин останется! Вот какое нам чудо сулят! Вот, говорят, какая между нами будет дружба, и когда станем за один, тогда крымский хан... А так что? Вот приедет персидский посол, начнёт спрашивать, где слон, что мы ему покажем? Ничего! И что тогда посол подумает? Что не понравился нам ихний слон, значит, не будет у нас с ними дружбы, развернётся и уедет! А нам он ох как нужен! А то опять придёт турка, наведёт татар, татары перейдут через Оку и, как в позапрошлом году, дойдут до Коломны и всё спалят! А то пройдут и дальше, и как, ну, ты этого

уже не помнишь, сопляком был, когда они всё здесь спалили! Ничего от Москвы не осталось, одни головешки! А всё из-за этого слона, если ты его не приведёшь! А приведёшь, и шах обрадуется, соберёт несметное войско, пойдёт на Табриз, на Шемаху, на Дербент! А там, может, и на Крым! И нам сразу облегчение. Понял теперь, зачем тебя за слоном посылаем?

– Понял! – сердито ответил Маркел. И ещё сердитее прибавил: – Не могли раньше послать?

– А вот, значит, не могли! – так же сердито сказал Ключев. – Зима была дружная, лютая, только на той неделе лёд сошёл. Зато теперь тебе прямая открытая дорога до самой Персии!

Маркел снова приложил руку ко лбу, поморщился. А Ключев вдруг вскочил и посмотрел на дверь. Маркел тоже обернулся и увидел, как дверь будто сама по себе растворилась...

И в палату вошёл – Маркел его сразу узнал – государев думный дьяк Андрей Щелкалов, он же судья Посольского приказа и старший брат Васьки Щелкалова. Маркел встал и поклонился в пояс, а сам при этом подумал: для Васьки место держит, а сам уже чуть ходит. И Ключев, наверное, тоже об этом подумал, потому что подскочил и пододвинул к Щелкалову лавку. Щелкалов сел на неё, усмехнулся и сказал с усмешкой:

– Маркел, Петров сын Косой?

– Он самый, – ответил Маркел.

– У князя Семёна стряпчим? – спросил Щелкалов и тут

же прибавил: — А в стольники ещё не собираешься?

Маркел промолчал, смутился. А Щелкалов продолжал:

— А государь тебя помнит, как ты в Углич езживал и тамошних злодеев сыскивал.

— Так я это... — начал Маркел.

— Ладно, ладно! — перебил его Щелкалов. И вдруг усмехнулся и спросил: — Ну как, подобиру вчера отпраздновал?

— Да, слава Богу.

— Вот и славно. А теперь пора за дело браться.

Это было сказано уже серьёзным голосом, даже почти сердитым. Маркел стоял, мял в руках шапку и помалкивал. А Щелкалов продолжал:

— Свезло тебе, Маркел. На великое дело тебя подвигаем. На слона! И это же не просто слон! Другие же державы как? Норовят схитрить, а то и хуже того. Хуже — это когда дарят деньги, будто у нас их не хватает. Да и что такое деньги? Это когда старший платит за службу младшему. Поэтому мы денег не берём, и другие это знают, и нам их не шлют. Шлют золотую посуду, шлют кубки, самоцветы, дорогие ткани, диковинных зверей. Но зверь зверю тоже рознь! Вот, помню, царский посол преподнёс покойной государыне говорящую птичку в золочёной клетке. И что дальше? Птичка неделю прыгала, плевалась, ничего понятного не говорила, а после как-то исхитрилась, открыла дверцу и улетела. Так, кстати, и тот царский посол уехал не простившись. С тех пор птичек не берём. Коней тоже не берём, кони у нас свои. Тогда эти

думают: как быть? И Лисавета, аглицкая царь-девица, придумала вот что: посулилась прислать льва. Живого! И вот мы сидим, ждём-пождём... А после приезжают её люди и привозят двух собак медеянских, и говоря, что это львы. Вот так!

Тут Щелкалов тряхнул головой и задумался. Наверное, вспомнил, как всё это было. Маркел не удержался и спросил, что было дальше.

– Ну как что? – в сердцах сказал Щелкалов. – Спустили на них наших волкодавов, и порвали они тех паршивых псов в мелкие клочья. Потому что это разве звери? Вот слон – это настоящий зверь, царский. У него и вид величественный, ходит как живая башня, дудит в хобот, бивнями помахивает. Это сила! И сразу понятно, что кто дарит нам слона, тот желает нам силы и мощи и готов с нами своей силой и своей мощью делиться. То есть это очень хорошо, нельзя такую дружбу отвергать. И слонов нам не дарил ещё никто ни разу! Дарили скаковых коней породистых, но куда это наш царь будет скакать? Не к лицу это царю! Царь сидит на троне, в одной руке у него скипетр, в другой держава, слон приходит к нему и кланяется. Дозволь, как говорится, послужить. Вот это красота, вот это дело! Это вам не цесарский попугай и не аглицкий догус. Нельзя такой случай упускать, и хоть времени мало, Маркел, но у нас уже почти всё готово, и мы бы и кому другому это дело поручили, но у тебя лёгкая рука, да и за тебя сам царь словечко замолвил, поэтому...

И тут Щелкалов поднял руку и начал, загибая пальцы, на-

ЗЫВАТЬ:

– Завтра дадим тебе сундук и ключ от сундука, это раз, и также опасную грамоту, два, и царскую грамоту... Или мою? Моей им хватит, Ключев?

Тот пожал плечами.

– А! – ещё подумавши, сказал Щелкалов. – Напишите ему две, такую и такую, чтобы не было бесчестья. – И опять повернувшись к Маркелу, прибавил: – Не робей! Тебе же к шаху не ходить, а ты приедешь в Персию, там тебя встретит наш человек и отведёт куда надо, там у тебя возьмут сундук, а вместо него дадут слона, ты его возьмёшь и привезёшь сюда, вот и всё.

– А как я найду этого нашего человека? – спросил Маркел.

– Он сам тебя найдёт, – сказал Щелкалов.

– А как я узнаю, что это он?

– Там тебе это будет понятно. Да и это тебя не касается, тот человек сам всё сделает, ты только его слушайся.

Маркел вздохнул. Щелкалов усмехнулся и прибавил:

– Если молчишь – значит, тебе всё ясно.

И повернувшись к Ключеву, кивнул. Ключев порылся на столе, нашёл нужную бумагу и подал Маркелу. Маркел развернул её. Это была подорожная, и в ней было так:

«По Государеву Царёву и Великого Князя указу по дороге от Москвы через Новгород Низовския Земли, Казань, Самару, Саратов, Царицын, Астрахань и далее, куда будет указано, везде, не издержав ни часу, моему верному слуге Мар-

келу Петрову сыну Косому никому нигде препону не чинить, а служить верно и скоро, а буде надобны ему корабль и люди ратные, то давать и того и другого в достатке. Писано на Москве лета 7101 апреля в 16 день».

Прочитав, Маркел свернул бумагу и задумался, потом спросил:

– А если я того человека вдруг не встречу, тогда что?

Щелкалов помрачнел, сказал:

– Больно умён ты стал! Иди!

Маркел вздохнул, поклонился поясным обычаем, развернулся и пошёл. Шёл и вздыхал задумчиво.

Глава 3

Маркел пришёл домой задумчивый, молча пообедал и лёг отдохнуть. Но не отдыхалось. В голову лезла всякая дрянь! А тут ещё подошла Параска, села в головы и затаилась. Маркел долго терпел, потом не выдержал, спросил:

– Чего тебе?

– Так просто, – сказала Параска и заморгала быстро-быстро.

Маркел аж почернел от злости, приказал:

– Ты мне это брось!

Параска поджала губы, встала, пошла одеваться. Одевалась долго, примерялась, одно надевала, другое снимала, сундук так и брякал крышкой. Маркел лежал, не поднимался. Наконец Параска собралась и вышла и напоследок бабахнула дверью. Ты у меня ещё добабахаешься, гневно подумал Маркел, но и не подумал вставать. А что? Теперь, когда никого в доме не было, Маркелу стало легче. Теперь он лежал как хотел и сколько хотел покряхивал, сколько хотел повздыхивал, и никто его не терзал, не спрашивал, что это с ним такое. А вот такое, и всё, думал он. А вот сейчас пойду в кабак, а вот...

Но дальше мысль не шла. Да и, думалось, какой кабак, если завтра ехать в Персию имать слона. А слон – это вам не шутка! Маркел знает, что такое слон! Маркел...

Ну и так далее. И далее Маркел не думал, потому что было боязно. Робость его брала, вот что! Даже себе не решался признаться, потому что...

Да! Вот так. Лежал и помалкивал, только иногда повздыхивал. И ещё: Маркел всё чаще думал, что скорее бы пришла Параска.

И она пришла! Сперва застучали по ступенькам каблучки, после одна дверь бухнула, вторая мягко скрипнула, вошла Параска и весёлым голосом спросила, не накрывать ли на стол. Маркел сказал, что накрывать, и тоже весело. Но, это сразу чуялось, что у неё, что у него настоящего веселья в душе не было, а было одно притворство. Ну ещё бы, подумал Маркел.

А Параска кликнула Маруську, Маруська стала вынимать на стол. Маркел вышел из-за загородки, сел к столу, на своё место. А Параска на своё, после обернулась и сказала, что Маруська ей сегодня больше не нужна. Маруська обрадовалась, стащила с вешалки свою шубейку и, на ходу одеваясь, выскочила в дверь. Дверь хлопнула.

А когда хлопнула вторая дверь, Параска тихо сказала:

– Я всё знаю. Они тебя к кызылбашам отправили.

– Не к кызылбашам, а к персиянам, – так же тихо, но строго поправил Маркел.

И так же строго посмотрел. Но Параска всё равно сказала:

– Они уморить тебя хотят.

– Чему быть, того не миновать, – сказал Маркел. Потом

прибавил: – Князь Семён сказал, что даст двойные прогоны.

– А кому эти прогоны получать? Чего сам не едет, если там так сладко?

– У него здесь много дел.

– Ой-ой! Видали мы его дела! Знаешь, что у нас о нём болтают?

– Вот то-то и оно, что болтают! – не стерпел Маркел. – А он нам даёт прогоны! А Щелкалов говорит, что сам государь про меня помнит!

– Ещё бы! Как не помнить? Где ещё найти такого дурня, который...

И тут Параска замолчала, чутко прислушалась, потом тихо сказала:

– Кто-то по крыльцу идёт!

Маркел прислушался – и точно! Кто-то шёл. Потом открылась одна дверь, потом вторая – и в горницу вошёл Филька Земля, немного выпивший, посмотрел на стол и весело сказал:

– О! Как я вовремя!

– А ты всегда такой! – строго ответила Параска.

Она Фильку очень не любила, говорила, это он Маркела сводит. А Маркел на это обижался и покрикивал, что он свою норму сам знает!

И вот опять, Маркел подумал, начинается! Но удержался и сказал:

– Здоровы будем!

Филька ответил, что и вам здоровы, ещё раз осмотрел накрытый стол и спросил, к чему это.

– Уезжаю я, – сказал Маркел.

– За это надо выпить, – сказал Филька.

– У тебя только одно на уме! – со злом сказала Параска.

– Почему одно? – удивился Филька. – Я и закусить не против.

И не спросясь сел к столу.

– Э! – строго сказал Маркел.

Филька сразу поднялся.

– Сиди! – сказал Маркел.

Филька опять сел. Маркел вздохнул и продолжал:

– К персиянам меня посылают. В Кызылбаши.

– Зачем?

– Слона оттуда привезти.

– О! – сказал Филька. – Слона! Тяжёлая это штукавина – слон. Как бы ты с ним на надорвался!

– Так я же не один, – сказал Маркел. – Мне для этого стрельцов дают. Две полсотни. – И тотчас же спросил: – А ты что, слона видел?

– Не видел бы, не говорил, – ответил Филька со значением. И посмотрел на стол.

Маркел кивнул Параске. Параска встала, принесла баклажку и два шкалика. Маркел налил, кивнул Фильке.

– Первая – за хозяев, – сказал Филька.

Они чокнулись и выпили. После чего Маркел сразу спро-

сил:

– Ну?!

Филька понимающе кивнул, утёрся рукавом и начал:

– Это давнишняя история. У вас на приказе тогда ещё Михаил Борисович сидел, Семёна Михаловича родитель. А великий государь сидел на царстве. И вот великому государю однажды говорят, что есть-де такой страшный зверь, называется слон, его никто не одолеет, у него зубы как сабли, ноги как столбы, нос как змея, уши как лопухи, глаза огнём горят, как на кого глянет, так того и сжёт!

– Иди ты! – сказал Маркел.

– Ну, не сжёт, а ослепил, – не стал спорить Филька. И утёрся. Маркел не налил. Филька недовольно хмыкнул, но продолжил: – И вот великий государь Иван Васильевич созвал бояр и говорит: где бы мне этого зверя найти? Бояре отвечают: в Кызылбашах, сиречь в Персии. Но за него много просят. Иван Васильевич в ответ: а я не постою! И коли слово сказано, тогда за ним сразу и дело: снарядил великий государь кораблик, посадил на него торгового человека Андрюшку Хозникова, дал ему пятьсот ручных пищалей, сто пушек... Сменять на слона! В Кызылбашах. Очень хотел великий государь, чтобы у него был слон! Да только Господь иначе рассудил: Андрюшка пошёл в Кызылбаши и не вернулся. Ждал его великий государь, ждал, ждал, но так и не дождался. И опять созывает бояр, говорит: что же вы... Ну, ты слышал, как он говорил. Переположились бояре! Не зна-

ют, что делать! И вдруг один боярин говорит: а я знаю, мне мои люди сказывали, они только что с Волги вернулись, говорят, они на свои глаза видели, что у казанского царя есть слон! В Казани-городе, в тамошнем кремле, в высокой загородке. Наш великий государь сразу обрадовался, говорит: пойду на казанского царя, отниму у него слона и заодно и всё остальное его царство запишу под себя! И началось! Собрали несметное войско, пришли под Казань, обложили её со всех сторон, стали под неё подкоп копать, мину закладывать, после рванули мину, развалился тамошний Казанский кремль, наши вошли в Казань и видят: лежит посреди неё убитый слон. Вот так оно тогда в Казани было: придавило слона кирпичами, когда мина стену обрушила, когда наши Казань брали. Вот чем оно тогда кончилось: стала у великого царя Казань, а вот слона не стало. А потом и самого царя тоже не стало! Прости, Господи!

Тут Филька сам взял баклажку, сам налил Маркелу и себе, сам выпил и продолжил громким голосом:

– А вот теперь смотри, как всё вдруг вернулось обратно: теперь уже наш славный государь Феодор Иванович такое же затеял – завести себе слона, народ потешить. Теперь у нас будет свой слон! А слон – это такая махина...

И тут он только рукой махнул. Маркел не удержался и спросил:

– Так ты его видел?

– Если б видел, он бы меня сжёг, – ответил Филька. – Вот

какой у него взгляд был пронзительный. Налей!

Маркел налил, и они выпили. Но когда Филька начал закусывать, Маркел сделал вот так рукой. Но Филька всё равно сперва доел кусок и только потом уже сказал почти сердитым голосом:

– Зря ты, Маркел Петрович, меня прогоняешь. Я про слов много чего знаю, могу до утра рассказывать и всё не расскажу.

Маркел усмехнулся и сказал:

– Вот я того и боюсь, что ты мне покоя не дашь.

– А про Казань запомни! – сказал Филька.

– И запомню, – ответил Маркел.

Филька встал от стола, взялся за шапку, поклонился Маркелу, Параске, развернулся и пошёл из дома. Маркел сидел, смотрел на свечу (уже зажгли) и помаргивал. И долго так сидел, молчал! Потом приложил руку ко лбу, потёр лоб, тяжело вздохнул. Параска сказала с осуждением:

– Что, опять перебрал? Целый день за голову хватаешься!

– А! – сердито ответил Маркел. – Ещё бы не хвататься! Мне же такой гадкий сон нынче ночью приснился! Просто страх!

И уже только хотел рассказать, как вдруг пришла Нюська, повертелась, примерила материнский платок бухарский – и сразу в дверь.

– Куда?! – строго окликнула Параска.

А та ответила:

– Схожу к соседям.

– Ты у меня доходишься! – строго пригрозила Параска. – Отца невесть куда посылают – может, в последний раз его видишь, – а в голове всё соседи! Постеснялась бы!

Нюська села к столу, насупилась. Параска принесла ей морсу. А себе наливочки. А Маркелу освежила шкалик. Маркел выпил, сказал:

– Доставай бирюльки!

Достали, начали таскать на интерес. У Маркела тряслись руки, он то и дело обжигался, Нюська смеялась, щёлкала его по носу. А Параска – та, наоборот, сидела мрачная и то и дело вздыхала. Наконец Нюська натешилась, пошла к себе. Было слышно, как она легла, как под ней лежанка закрипела. Здоровая девка, подумал Маркел, пора уже ей на приданое откладывать. А какие молодцы есть на примете! Вот даже взять того же Котьку Вислого. Это не смотри, что он дурака валяет, он может и не валять, и тогда ему цены нет! Даже сам князь Семён, бывало, говорит... И на виду всегда, у него же стол напротив. И у него брат в Посольском приказе, брат толковый, всегда пьёт с умом, не то что этот Клюев, Маркел на той неделе их обоих видел возле кабака, стояли обнявшись, и Васька Вислый был как огурчик, а Клюев пьян в лоскуты. А теперь вон как держался – как боярин. Тьфу!

И опять в голове заревело, затопало. Маркел приложил руку ко лбу, поморщился. Параска, глядя на него, строго сказала:

– Не жалеешь ты себя! Изведут они тебя, место твоё поделят.

– Да какое место?! – сердито ответил Маркел. – Никто на моём месте не удержится. Кишка тонка! А вот... – и замолчал.

– Ну, говори! – подхватила Параска. – Сон, ты сказал, тебе сегодня снился. Ну! Что было во сне?

Маркел помолчал, набрался духу и ответил:

– Я сегодня во сне зверя видел!

Параска побелела вся, потому что сразу же учуяла, в чём дело, но всё равно спросила, что за зверь. И Маркел негромким голосом ответил:

– Здоровенный серый бык с клыками и с длинным носом до самой земли.

– Это он! – тихо воскликнула Параска. И спросила: – А что дальше?

– Ну как что?! – сказал Маркел очень сердито. – Подошёл ко мне и говорит человеческим голосом, но не по-нашему.

– По-персиянски? – спросила Параска.

– Наверное, – сказал Маркел. – Но очень злобно! И давай меня клыками бить! А я за саблю!

– Надо было убегать! – воскликнула Параска.

– А куда?! – гневно вскричал Маркел. – Там же темно во круг! А самое главное вот что: я же про слона тогда ещё слыхом не слыхивал, а он мне уже явился! К чему бы это?

И Маркел опять взялся рукой за голову. А Параска, ниче-

го уже не говоря, встала из-за стола, прошла за загородку, вынесла оттуда другую баклажку, стеклянную, нацедила из неё пол-шкалика и строго приказала:

– Выпей! Это всегда полезно. И не дурит голову.

Маркел понюхал и поморщился.

– Пей! – строго сказала Параска. – Без меня и не такое пьёшь, а тут воротишь нос, боярин!

Маркел выдохнул и выпил, и, уже ничуть не морщась, улыбнулся. Параска взяла его за руку. Маркел подался к Параске. Параска едва слышно прошептала:

– Нюську нам не разбудить бы!

И не разбудили. А потом Маркел заснул. Потом проснулся оттого, что почуял: заныло в боку. Маркел полез пощупать. Рана была старая, глубокая, ножом саданули, сволочи. И если бы не Параска, подумал Маркел, если бы не отвела она его к ведьме-шептухе, так бы и сдох тогда Маркел, как слон под Саратовом. Вот так! А так живой. И может, так же будет и с этой нынешней Персией – пронесёт, как гроза. Или что ещё проносит? Маркел хмыкнул и повеселел. И так он ещё долго лежал, вспоминал то одно, то другое, но, конечно, чаще про слона, всё то, что слышал про него за этот день, и боль в боку мало-помалу улеглась...

А после вдруг опять приснился тот носатый бык с клыками, Маркел падал перед ним, а бык (конечно, слон) топал ногами и ревел, хватал Маркела хоботом и норовил ударить его оземь, но Маркел каждый раз вырывался, бежал по по-

лю, поле было ровное, песчаное, ничего на нём не росло, а песок был вязкий, бежать по нему было очень непросто, и слон догонял Маркела и опять хватал, поднимал над собой и бросал, Маркел падал на песок, вставал...

Глава 4

И утром проснулся потный, злой, руки дрожали. Параска посмотрела на него и только головой покачала. Маркел сел на лежанке и велел подать ему тёплой воды и бритву.

– Что ты затеял?! – спросила Параска.

– Бритву вели подать! – строго повторил Маркел.

И тут же спросил, собрали его или нет. Параска с Нюськой взялись хлопотать. Маркел побрился, начал точить саблю. Обычно он ездил без сабли, с кистенём, а тут подумал: всё же Персия, посольство – и взял саблю.

Потом он оделся, тоже в лучшее, ненадёванное, сел к столу, стол был уже накрыт, и один позавтракал, а Параска и Нюська стояли смотрели. Потом Маркел встал из-за стола, Параска вынесла Николу, древний образ, ещё от дяди Трофима, и, помолившись, подала Маркелу. Маркел приложился к образу, облобызал. Вошли люди, подняли узлы и понесли. Впереди людей шёл Филька и приказывал.

И только они все сошли во двор, как появился Ключев. С ним были кремлёвские, стремянного полка стрельцы в белых кафтанах. Стрельцов было десять с десятником. И ещё было двое посольских, ключевских людей, эти стояли за стрельцами, и при них был кованый сундук. Маркел сразу же подумал, что это щелкаловский сундук, но Ключев ничего об этом не сказал, а сразу спросил:

– Ну, как? Собрался?

Маркел молча указал на своих людей с узлами. Ключев сказал, что это хорошо, и что им идти недалеко – на Москворецкую переправу, и их там давно уже ждут, поэтому надо поспешать.

И они все сразу же пошли. Параска с Нюской стояли на крыльце и не махали руками – Маркел не любил, когда машут. Дело серьёзное, думал Маркел, вон сколько стрельцов пригнали! И сундуков за ним ещё ни разу не нашивали. А что в сундуке? А где грамоты? А где двойные прогоны? А то посулят, как обычно, а после руками разведут, скажут: не обессудь, Маркел, да и зачем они тебе, и так живёшь на всём готовом у князя Семёна на подворье, и никакой службы не служишь, ходишь в приказ когда захочешь, сядешь за стол, зеваешь, раз в год съездишь на дело, поймаешь злодея, вернёшься и опять сидишь себе и рёбра чешешь. Вот о чём Маркелу тогда думалось, когда они шли по Кремлю, а после проходили через Фроловские ворота, а там через Красную площадь и вниз, к Москворецким Китайским воротам, и там же была и переправа, а при переправе пристань и ряды.

Они повернули к пристани. Торговли в рядах ещё почти что не было, но зато лодок на реке было уже достаточно. Ключев молча указал, куда сворачивать, и это получалось, что к реке, к самой воде. Они подошли туда. Народ перед ними расступался. Ну ещё бы, их же было вон сколько! И с Маркелом же тогда были стрельцы, и посольские шли с сунду-

ком, а сундук был угловатый, кованый, поэтому они быстро прошли туда, куда им было надо, и остановились. Там у причала стояла посылка – большущая лодка, даже струг, мачта лежала ещё не поднятая, зато гребцы уже сидели по местам. Даже правильной – опять стрельцы, а не гребцы, потому что все были одеты по-стрелецки, но, правда, уже не в белых, а в простых красных кафтанах. Этих стрельцов-гребцов было с полтора десятка, все они как на подбор были плечистые, мордатые, смотрели нагло. Ключев поприветствовал этих стрельцов-молодцов всех одним разом и сказал, чтоб принимали. При этом ключевские люди выступили вперёд и поставили сундук на край причала. Ближайшие стрельцы-гребцы взяли сундук.

– Полегче заноси! – прикрикнул на них Ключев. – Печать не повредите!

А печать там была, конечно, красновосковая, государева, орлёная, на золотом шнуре, как и положено. Стрельцы с опаской понесли сундук к корме. Маркел посмотрел на Ключева. Ключев подал ему ключ. Ключ был большой, серебряный. Маркел зажал ключ в кулаке и уже хотел было спросить, щелкаловский ли это ключ...

Но Ключев уже повернулся к Маркеловым людям и велел им подавать узлы. Узлы сложили на корме, туда, где уже стоял сундук и лежали ещё какие-то мешки, наверное с провизией. Маркел сошёл вниз, на струг, прошёл мимо бердышей и сел рядом с сундуком. Стрельцы-гребцы стали оттал-

киваться от берега. Филька командовал, давал советы. Кремлёвские стрельцы, стоявшие на берегу, держались вольно, шурились на солнце. Струг быстро отчалил. Рулевой, сидящий на корме, его звали Мефодий, весело сказал:

– Гони, хромая!

Стрельцы-гребцы навалились на вёсла. Маркел повернулся к стоящим на пристани. Филька махал ему рукой. Дурень, домашешься, сердито подумал Маркел, когда много машешь, всё размашешь! Филька как будто услышал, перестал махать. Вот так правильно, подумал Маркел, но всё равно не нравилось ему всё это, слишком много начальных людей в это дело набилось, а когда начальных много, тогда толку мало. Подумав так, Маркел снял шапку и огладил волосы. Мефодий повернулся к Маркелу и сказал:

– А я тебя знаю. Ты у князя Семёна служишь.

– Ну и что? – спросил Маркел.

Мефодий помолчал, опять спросил:

– Куда собрался? В Нижний?

– Нет, дальше, – ответил Маркел.

– Тогда, что ли, в Казань?

– Не гадай, – сказал Маркел, – всё равно не угадаешь.

– Эх! – помолчав, сказал Мефодий. – А нас дальше Нижнего никогда не посылают. Вот как государь о нас печётся.

Маркел ничего не ответил, и на этом их разговор закончился. Мефодий сердито вздохнул, встал и прошёл вперёд, и приказал поднять мачту. Потом чтобы поставили парус. Ве-

тер был попутный, свежий, стрельцы гребли справно. Синие шапки, зелёные сапоги, третий полк Василия Назарова, замоскворецкие, думал Маркел. А провожали их кремлёвские, белохребетники из первой сотни. Ну, те вообще из Кремля не выходят. И как это они на Москворецкую сподобились? Подумав так, Маркел усмехнулся и стал смотреть по сторонам, по берегам. Берега были очень знакомые, смотреть было скучно. Маркел заскучал.

И так он скучал ещё неделю. А что было делать? Ветер дул ровно, река текла быстро, как она всегда весной течёт. Гребли день и ночь. Утром дошли до Коломны, остановились, московские (назаровские) стрельцы сошли – все, кроме Мефодия, – а вместо них взошли городовые, коломенские, сели на вёсла, Мефодий скомандовал – и коломенские навалились. Вскоре Москва-река закончилась и началась Ока. По Оке они сперва дошли до Переславля, и там переславские сменили коломенских, потом была Рязань, Терехов монастырь, Добрынино, Касимов, Муром... И Маркел мало-помалу повеселел. Ачто?! Дороги оставалось всего пару дней, места были тихие, погоды ясные, и даже Мефодий уже казался Маркелу не таким говорливым, а вполне даже рассудительным хозяином, который уже, может, с самой Рязани рассказывал о своих непростых домашних делах – как у него умер зять, сестра осталась вдовой, и как Мефодий её сватал, и как нашёлся добрый человек, они венчались, но как слобода того нового зятя не приняла, да тот и сам этого не очень-

то хотел, мне, говорил, зачем эта стрелецкая служба, что это ещё за кабала такая, а вот он сейчас продаст дом, заберёт Мефодьеву сестру, уедет в Тверь, у него там полно родни...

Ну и так далее.

– Ты представляешь, – говорил Мефодий, – как мне теперь там жить? Хоть ты сам всё бросай и езжай за этим змеем в Тверь! Но у меня семья! У меня ребятёнок! Ребятёнок спит и видит, как я стану старым и он вместо меня пойдёт служить! А тут вдруг такая незадача!

Маркел понимающе кивал. Так они доехали до Мурома. Муромские сменили касимовских, и когда они садились к вёслам, Маркел спросил, что у них в Муроме нового слышно. Муромские ответили, что ничего не слышно, вот только вчера добрые люди видели на том берегу Оки крымцев, и крымцы по ним даже стреляли, но ни в кого, слава богу, не попали, и сразу же скрылись куда-то.

– Это их передовой разъезд, – сказал Мефодий. – Они не стреляли, а пугали. А сейчас они к своим ушли. Может, придут ещё через неделю, уже всей ордой, и ещё постреляют, чтобы наших в поле выманить. Но это не наше дело! Нам надо в Нижний! У нас ещё два дня осталось.

Муромские сели по местам, Мефодий скомандовал, они стали грести.

Вскоре начало темнеть. Потом стало совсем темно. Потом взошла луна. Муромские гребли споро, муромские были свежие. А на низком правом берегу ничего видно не было,

там всё было в кустах, кусты были очень густые. Мефодий встал и приказал принять к нашему берегу.

И тут вдруг засвистели стрелы! Мефодий закачался и упал. Маркел подхватил Мефодия и закричал стрелять. Муромские похватали пищали, открыли стрельбу. Но они стреляли наугад, конечно. Крымцы выскочили из кустов, или это так только показалось, и ускакали в степь. А Маркел приказал править к нашему берегу.

На нашем берегу, в низинке, чтобы от татар видно не было, муромские развели костёр, Мефодия положили на кошму, достали из него стрелу. Мефодий начал тяжело дышать. Ему дали воды. Мефодий выпил и затих, долго лежал молчал, крови из него почти что совсем ничего не вытекло. Маркел сидел возле Мефодия, после поднялся и начал ходить взад-вперёд, смотреть на правый берег. Ничего там видно не было.

Вдруг Маркела позвали к Мефодию. Маркел подошёл, сел рядом. Мефодий откашлялся, на губах у него сразу выступила кровь. Мефодий стёр её ладонью и сказал негромким голосом:

– А я знаю, куда ты собрался. Тебя за слоном послали, в Персию. Так это?

– Да, – сказал Маркел.

– Но разве слоны на свете бывают?

– Конечно.

– А какие они из себя?

Маркел подумал и сказал:

– Слон – это самый злобный зверь. Очень прожорливый! Зубы у него как сабли, нос у него длинный, как рука, и эта рука железная, её ничем не перерубишь. Из пасти у него огонь...

И замолчал. Мефодий улыбался, а потом спросил:

– Как же вы его брать будете?

Маркел молчал. Мефодий снова улыбнулся и сказал:

– А вы бердышами его! Бердышами! – Но тут же замолчал, подумал и прибавил с сожалением: – Шкуру попортите. Жаль шкуру.

Маркел ничего не говорил. Мефодий заморгал, закашлялся, на губах у него стала вздуваться кровавая пена.

– Воды! – велел Маркел.

Подали воды. Маркел напоил Мефодия. Тому стало легче, он заговорил:

– Когда обратно вернёшься, сходи к нам в слободу, спроси дом Мефодия Грибова, и там моя вдова Ульяна и мой ребятёнок. Ульяне ничего не говори, ей и без тебя всё расскажут, а ребятёнку скажи, что вот, мол, какой у тебя родитель храбрый был – один на слона пошёл, и слон его бивнем проткнул. А про татарина не говори, что тут такого славного. Не будешь говорить?

Маркел помотал головой, что не будет. Мефодий сложил руки на груди, начал читать молитву. Слов слышно не было. Потом Мефодий перестал читать. Маркел подождал немного

и закрыл ему глаза. Потом велел отнести Мефодия на струг.

Было ещё совсем темно, но они не стали ждать света, отчалили.

Утром они пристали к ближайшей деревне, созвали народ, Маркел сказал, что надо им похоронить по чести раба Божьего и царского слугу Мефодия, и дал на это пять алтын. Но подумал и дал ещё три.

После чего они опять вошли на струг и поплыли дальше. Плыли ещё два дня, ничего больше с ними не случилось — ни худого, ни доброго.

Глава 5

А после, рано утром 25 апреля, на день, как и было оговорено, преподобного Сильвестра Обнорского, на правом высоком берегу Оки показался Нижний Новгород. Сперва Маркел увидел башенки и колоколенки, а после кремль, после посадки. Вода на Оке стояла высокая, так что мелей можно было не бояться. Маркел командовал, струг взял резко правей, потом ещё правей, вышел с Оки на Волгу и дальше пошёл уже вдоль так называемых волжских пристаней. Маркел ещё командовал, убрали парус, положили мачту. Кораблей вдоль берега стояло видимо-невидимо, прибиться было негде. Маркел встал на корме, внимательно поглядывал по сторонам, гребцы мало-помалу подгребали. Так они прошли саженой двести, не меньше, и только после этого приметили небольшую прореху, резко свернули и влезли в неё, даже скорее втиснулись, ткнулись носом в причал и остановились. С соседних корабликов с опаской поглядывали на них. Ну ещё бы! Полный струг стрельцов! А Маркел, осмотревшись, спросил, ни к кому особенно не обращаясь:

– А чего, братцы, стоим? Говорили же, что сегодня выходим.

С правого кораблика на это промолчали, зато с левого ответили:

– Приказа не было. Будет приказ, пойдём, а нет приказа,

МЫ СТОИМ.

– А почему нет приказа?

Левые на этот раз смолчали. Зато ответили правые:

– Стережёмся мы, вот и стоим. Говорят, сегодня ночью на бывшей Собачьей мели люди видели недобрые кораблики, вот наши и пошли туда проверить, так это или нет.

– И есаул туда пошёл?

– А что вам есаул? Вы кто такие?

– А ты не видишь? – с вызовом спросил Маркел и кивнул на стрельцов.

И теперь замолчали и правые. Но Маркел уже не стал ничего спрашивать, а знаком подозвал к себе ближайшего стрельца, Василия, и очень негромким голосом велел ему сходить и найти есаула и сказать ему, что прибыл посыльный из Москвы с обещанным. Василий сошёл на пристань и пошёл вдоль берега вперёд. А Маркел вернулся на корму, сел возле сундука и положил на него руку.

Люди с соседних корабликов смотрели на Маркела и молчали. Солнце стало пригревать, Маркел расстегнул шубу. Так прошло, может, с четверть часа, потом с носа сказали, что идут. Маркел прошёл на нос. И верно, вдоль причала возвращался его муромский Василий, и с ним шли другие, не наши стрельцы, а местные, наверное, от есаула.

Так оно и оказалось. Маркел сошёл на берег, подошли эти стрельцы, их было тоже десяток, Василий сказал, что это наши, есаульные, а есаул у них – Пётр Кирюхин, здешний сот-

ник. Стрельцы закивали.

— А я, — сказал Маркел, — от государя я, вот кто! — И, показавши скрученную подорожную, прибавил: — Ведите меня к есаулу. И это тоже взять, — сказал он, указав на сундук. — И также эти узлы.

Кирюхинские стрельцы взяли то, что было им приказано, и понесли вдоль пристани. Маркел пошёл за ними, а за Маркелом пошли муромские. Идти пришлось далековато. Маркел то и дело поглядывал вперёд, но головы, то есть начала каравана, видно не было. Пристань тянулась и тянулась вдоль реки, на берегу толочся народ, от кораблей воняло товарами, от одних воняло хорошо, а от других очень гадко. Особенно гадко воняли свежие кожи, а тут ещё солнце взошло высоко, вонять стало ещё сильнее. Эх, думал Маркел, вот что такое скупость, вот какой у неё дух! Но, правда, подумал он, ещё хуже воняют заповедные товары, а это свинец, железо, порох, медь, сера, олово, наконечники для копий, панцири, пищали, пули, да только где их выищешь и как их вынюхать, их же эти нелюди так ловко прячут, что попробуй найти! Вот примерно с такими мыслями Маркел тогда шёл и шёл мимо стругов, дощаников, коломенок, устюжинок, насадов, каюков, учанов, паузков...

И так он ещё долго шёл — может, с полверсты, а то и всю версту, — пока дошёл, куда ему было надо, то есть до есаульного струга.

А есаульный струг — это не просто струг! Он же широчен-

ный и устойчивый, с так называемой избой на корме, или, правильнее, с чердаком, то есть каморками для отдыха и клетями для товаров, а также с двумя затинными, то есть настенными пищалями, одной на носу и второй на корме.

И вот возле такого славного кораблика стоял, судя по кафтану, местный сотенный начальный голова. Звали его, как было уже сказано, Пётр Кирюхин. Он так и назвал себя, да и ещё прибавил, что он головной есаул. Тогда и Маркел представился, назвав себя царским слугой, после чего достал свою дорожную и протянул Кирюхину. Но тот её в руки брать не стал, а только усмехнулся и сказал:

– Наслышаны.

Маркел обернулся на кирюхинских стрельцов с сундуком и узлами и велел им подниматься. Кирюхинские поднялись на струг, а дальше, как Кирюхин приказал, внесли всё это в чердак. Маркел повернулся к муромским, дал Степану, старшему у них, полтину и поблагодарил всех муромских за службу. Муромские поклонились, развернулись и пошли обратно. А Маркел и Кирюхин поднялись на струг. Там почти что никого видно не было, только на корме и на носу стояли караульные, а остальные, как сказал Кирюхин, пошли прогуляться. Маркел посмотрел на корму. Там, в чердаке, одна дверь была распахнута настежь, а возле второй, затворённой, стоял стрелец с бердышом.

– Это там твоё обещанное, – сказал Кирюхин. – Присматриваем.

Маркел сказал, что это очень хорошо, и сразу же спросил, что слышно про лихих людей на Собачьей мели.

– Никого там нет, – сказал Кирюхин. – Люди наболтали всякого. Так что завтра поутру выходим.

Маркел опять сказал, что это хорошо, а после прошёл на корму, к своему чердаку, открыл дверь, залез, проверил, как стоит сундук, а потом повернул его к свету и стал осматривать замок. И тут Кирюхин сзади вдруг сказал:

– Государева печать слева примята.

Маркел оглянулся на Кирюхина, а потом посмотрел на печать и подумал: и верно! И ещё подумал: чёрт глазастый! А Кирюхин усмехнулся и сказал:

– Ну так сколько лет при этом деле! Поневоле навостришься. – И тут же прибавил: – У меня есть человек, может поправить.

– Пусть будет так, как есть, – сказал Маркел. – Входи.

Кирюхин наклонился и вошёл, точнее влез, и сел. Маркел сидел напротив. В чердаке было довольно сумрачно. Кирюхин усмехнулся и сказал:

– Я про тебя много чего слышал. Ты, говорят, на три аршина сквозь землю видишь.

– На четыре, – ответил Маркел. – А вот печать проморгал.

– Так я же говорю, у меня есть человек...

– Ладно, – сказал Маркел. – Чего там. Мне ещё долго ехать. А ты куда меня везёшь?

– До самого конца, – с улыбкой ответил Кирюхин.

– Но я еду в Персию, – сказал Маркел.

– Значит, довезу до Персии, – сказал Кирюхин.

– А ты раньше в Персии бывал? – спросил Маркел.

– Конечно. Почти каждый год бываю, – ответил Кирюхин.

– И как там?

– Тепло.

– А слоны там водятся?

– А что тебе слоны? – настороженно спросил Кирюхин.

– Так, ничего, просто вдруг вспомнились, – сказал Маркел.

– Эх! – сказал Кирюхин. – Я так и думал, что добром это не кончится. За слонем тебя послали, да? – И так как Маркел молчал, Кирюхин сердито продолжил: – В прошлом году одного уже посылали, так он и сейчас сидит в расспросе. На чепи! Ну да чего теперь! Теперь говорить уже поздно. Как государь велел, так и будет! Ладно, пойду гляну своих, а ты тут пока что устраивайся.

Кирюхин встал и боком вылез наружу. А Маркел ещё немного посидел, подумал, опять посмотрел на государеву печать, на её примятый левый бок, и подумал, что было бы это самой большой бедой, ничего он больше не хотел бы! Да и сколько можно на эту печать смотреть, когда он человек подневольный и у него полным-полно разных дел?! Подумав так, Маркел обхватил сундук и сдвинул его подальше вглубь, к глухой стене, а уже после, тоже боком, кое-как вылез из чердака, строго глянул на стрельца, стоящего на карауле, и

вышел со струга на пристань. Там, рядом, стоял Кирюхин с кем-то из своих стрельцов. Маркел сказал, что у него дела в кремле, развернулся и вошёл в толпу.

Пройдя через толпу, Маркел вышел к гостиному двору, а там, мимо таможенной избы и кабака, прошёл вдоль амбаров, лавок, а после опять через толпу и в горку, в кремль, а там уже в приказную избы.

Возле избы было много народа, но в саму избы не всех пускали. Маркел показал подорожную, даже не саму её, а только вислую печать при ней, и его сразу впустили. На лестнице, ведущей на второй этаж, плотно стояли люди, все молчали. Маркел прошёл мимо лестницы, свернул в закуток, постучался. Ему велели подождать. Он постучал ещё, уже настойчивей. За дверью ничего не говорили. Он вошёл. Это была здоровенная хоромина, не меньше Маркеловой разбойной, но тут было много столов, может, с десятков, и за каждым сидело по двое, а то и по трое подьячих. Маркел осмотрелся. Одни читали, другие что-то записывали, а третьи, и таких было немало, совсем ничего не делали, а только смотрели на Маркела. Маркел выбрал старшего из них, подошёл к нему и молча подал подорожную. Подьячий быстро прочитал её, кивнул Маркелу, Маркел сел на лавку, а тот вместе с подорожной вышел, но уже в другую дверь. В хоромине было по-прежнему тихо, уже никто ничего не делал. Маркел ждал. Открылась дальняя дверь, в ней показался тот подьячий. Маркел прошёл к нему...

А дальше он поднялся по лестнице, на которой никто не стоял, вышел в просторные светлые сени, подъячий держал Маркела, просвиристел свистящим голосом: «Семён Филиппович, наш государев дьяк», а после рында открыл дверь...

И Маркел оказался в светлой, но почти пустой хоромине, где за пустым широченным столом сидел маленький сухонький человечек, одетый очень просто и в такой же простенькой скуфейке. В руках у человечка была Маркелова дорожная. Человечек, правильней – Семён Филиппович, взял дорожную, перевернул её на обратную сторону и начал читать вслух:

– *«Маркел Петров сын Косой, родиною смолянин, полных годов 34, росту средний человек, волос русый, глаза серые, нос прям, лицом чист...»*

И замолчал, посмотрел на Маркела. Маркел смотрел прямо. Семён Филиппович ещё раз глянул в дорожную, потом посмотрел на Маркела, смотрел он очень пристально, и лишь потом уже сказал:

– В персияне едешь. За слоном, наверное.

Маркел повременил немного и кивнул. Семён Филиппович продолжил:

– Прошлым летом один уже ездил. Слышал про него?

Маркел кивнул, что слышал.

– Вот! – уже насмешливо сказал Семён Филиппович. – Какая гордыня! И что тебе за это посулили?

Маркел негромко вздохнул.

— А вот мне, — сказал Семён Филиппович, — никогда ничего не сулят. Брать надо самому, а не тогда, когда тебе дают! — Но тут же опомнился, махнул рукой, в сердцах прибавил: — Да только кому я это говорю!

И положил перед собой подорожную, распрямил её ладонью, взял перо, тюкнул в чернильницу и расписался. После припечатал перстневой печатью, протянул Маркелу и сказал: — Иди!

Маркел поклонился, развернулся и ушёл. Спустился вниз, в подьячью, вышел из палаты, потом из кремля, потом спускался к пристани, шёл мимо лавок. И вдруг подумалось: а что, а ведь и верно! Он же с самого утра не евший! И остановился возле лавки, купил сладкий калач, сел на завалинке, перекусил. Но брюхо ещё сильнее разыгралось. А, подумал Маркел, надо же согреться. И зашёл в кабак, а тот как раз стоял рядом, как тут было пройти мимо?

В кабаке Маркел взял шкалик, сел к столу. Отпил половинку, задумался. Думалось о всяком. За столом было много народу. Ещё бы, такой день, завтра уходят же! Маркел сидел помалкивал, по привычке слушал разговоры. Разговоры были немудрящие, как это обычно бывает. Крепко пьяных ещё не было, да и нехорошая это примета, если надрызгаться перед дорогой, подумалось. Потом стало про Параску думать, про Нюську, замуж бы её, про Котьку Вислого, который не так уже плох. Это раньше, сразу же вспомнил Маркел, ду-

малось, что надо выдать Нюську или за купца матёрого, или за сотника, а то и бери выше, потому что а что? А вот съездит он и привезёт слона, а государь Феодор, он же не то что его грозный родитель, а он же как дитя, слона увидит, размякнет, а слон падёт перед ним на колени, хобот поднимет, затрубит, государь всплеснёт ладошками, радостно заохает...

Но дальше Маркел представить не успел, ибо его вполголоса окликнули:

– Маркел Петрович!

Маркел опомнился и оглянулся. Возле него стоял вполне солидный человек, одетый как зажиточный посадский. Маркел молча смотрел на него.

– Маркел Петрович! – продолжал тот человек с улыбкой. – Доброго вам здоровьичка и лёгкой службы.

– Ты кто таков? – строго спросил Маркел, но так, чтобы другим слышно не было.

А тот неизвестный человек вновь улыбнулся и сказал:

– Да как это такой важный гость в таком чаду сидит? Да ещё рядом с такими пропойцами? Милости прошу, Маркел Петрович, к нам сюда, – и указал на загородку, за которой, как помнил Маркел, раньше была так называемая белая, чистая половина и Маркел там прежде сиживал, а как же.

А теперь его опять туда зовут! Но кто, подумалось, зовёт? А этот человек опять заговорил:

– Маркел Петрович, ты не беспокойся! Здесь тебя в обиду не дадут! И здесь всё твоё, что тебе только приглянется! А

пока что милости прошу!

И он даже подал руку.

Но Маркел её, конечно же, не принял, но в то же время встал, взял шкалик... Тот добрый человек махнул рукой, Маркел шкалик оставил, они прошли за загородку. Там было светло и чисто. И пусто! Но стол был уже накрыт, и, так как тогда была среда, на столе была рыба. То есть много всяких разных рыб – варёных, копчёных, жареных, сквашенных... И так же стояли разные кувшинчики, баклажки, бутылочки. Прямо как у князя Семёна, подумал Маркел, садясь на лавку.

А напротив сел тот добрый человек.

– Ты кто таков? – опять спросил Маркел. – Второй раз тебя спрашиваю!

– Не извольте гневаться, Маркел Петрович, – весело ответил этот человек. – Как же тебя люди не узнают? Земля, как говорится, слухом полнится. А кто такой я? Верный холоп твой, вот кто! – и заулыбался. – А звать меня Митька Курицын, я здешний голова кабацкий.

Маркел подумал, кивнул. Курицын почтительно спросил:

– Дозвольте шкалик освежить.

Маркел дозволил. Курицын налил. Они чокнулись за знакомство, выпили. Водка была очень крепкая.

– Горит! – быстро сказал Маркел и так же быстро стал закусывать.

Курицын развёл руками и сказал:

– Недосмотрели! – Но и сразу же продолжил: – А с другой

стороны, сам посуди, Маркел Петрович. Люди же ко мне зачем приходят? Чтобы захмелеть. А я им негорелую подам! За, можно сказать, последнюю деньгу! Вот мы и стараемся, гоним на совесть, люди к нам приходят, радуются. И только один змей шипит!

– Как змея звать? – спросил Маркел.

Курицын молча усмехнулся.

– Ладно, – сказал Маркел. – А что дальше?

– Не даёт змей дело делать! Что ни день, приходят его люди, нюхают. Володька Нос, площадной подьячий, и Сенька Хмырь из приказной избы. И им налей, и они пробуют. И им всё не так. А почему тогда всем другим так? А эти кричат: давай книги, покажи, что покупал, на чём замешивал, сколько выдерживал, как гнал и чем чистил! А вот чем надо, тем и чистил, и как гнал, тоже моё дело, меня мой родитель так учил, почему я теперь должен всем рассказывать... Ну и так далее, – уже не с таким задором сказал Курицын. – А они пришли и вылили весь чан. Потому что, сказали, не тот гон. А как я теперь буду гнать? Чтобы гнать, надо зерна купить, и не всякое зерно пойдёт, и также и хмель не всякий, не всякое сусло. А им что! Они приходят, говорят: а дай ведро! Как это дай, я говорю...

Вдруг Курицын остановился, замолчал, долго смотрел на Маркела, а после негромким голосом продолжил:

– А ты, господин мой, закусывай. Здесь можно закусывать. Это на чёрной половине не дают, а здесь пожалуйста. И это

правильно, что царь-государь запретил давать простым людям закусывать. Им же только дай закуску, они же отсюда выходить не будут, всё пропьют! Прав государь, воистину. А этот змей, этот Семён Филиппович, ни дна ему ни покрывки, ещё и говорит: а дай! дай этому ведёрко и дай этому, и они от тебя отстанут.

– Как часто дай? – спросил Маркел.

– Каждый божий месяц, – сказал Курицын. – Как первый день приходит, так и дай.

– А что воевода?

– Ничего, – с досадой сказал Курицын. – Воеводе что? Они ему дают, и он молчит. А я... А что мне...

И тут Курицын сам замолчал, долго смотрел на Маркела, а после как бы нехотя продолжил:

– Вот ты на меня смотришь, усмехаешься. Думаешь: так мне и надо, я же народ спаиваю. А без меня они бы не спивались, да? Да сами бы гнали и дохли! А эти, которые у меня даром берут, они что, после всё это в отхожее место выливают? Или сами пьют? Но зачем им столько?! Столько им троим не выпить! Значит, тайно продают, корчемствуют. А корчма – это ого! У меня люди до креста пропиваются, да, это правда, но потом их домой гонят. А у этих, в тайной корчме, и крест снимают, и они в кабалу запись пишут, и после во все дни за ростовые служат. Разве так можно выкупиться? Нет! Это кабала до гроба. А ты не хочешь их имать! Ты Суморокова боишься! А кому он что доброго сделал? А

я на храм даю! В прошлом году давал на подновление и в этом дам. И я не разбавляю, и у меня всегда долив, меры исправные.

Тут Курицын вздохнул и замолчал. Маркел подумал и спросил:

– А что ты от меня хотел?

– Да ничего почти что, – сказал Курицын. – Хочу подать челобитную на имя государево, а ты бы, в Москву возвратившись, подал бы её. Вот и всё. Тебя в Москве, может, послушают, ты же большой человек.

Маркел недовольно вздохнул. Курицын не выдержал, опять заговорил:

– Смотришь на меня как на чёрта! А сам ты каков? Ездишь по державе, добрых людей хватаешь – и на дыбу их! И мучаешь! А я людей радую. Я наливаю им, они поют...

– Ох, уже нарадовал! – насмешливо сказал Маркел. – Но ладно! А где челобитная?

– Так я это... не ожидал! – радостно воскликнул Курицын. – Подумать надо!

– Вот и подумай! Не спеши! – сказал Маркел. – А у меня пока дело. Еду в Астрахань. И я надолго туда. Только, может, на Успенье буду возвращаться и тогда возьму.

– А... – начал было Курицын и замолчал.

Маркел понимающе хмыкнул, сказал:

– Нам божиться нельзя, мы на службе. Но если сказал, что возьму, – значит, возьму. Только бы было что брать.

Маркел встал, надел шапку.

– Маркел Петрович! – шёпотом воскликнул Курицын.

– Ладно, – сказал Маркел, – чего там. И больше не суйся.

Буду ехать обратно, зайду.

И Маркел развернулся и вышел.

На дворе было уже далеко за полдень. Народу на пристани ещё прибавилось. Возле таможенной избы кто-то кричал, его пытались унять. Беспорядок, подумал Маркел, распустился народ, но подходить не стал, хватит с него и Курицына. Нет, даже больше, сердито подумал Маркел, зачем совался, обещал? Вот приедет, расскажет Параске, и та так же скажет, что зачем вы, мужики, все один за одного держитесь, кто он тебе, родной брат, что ли? Эх, только и подумалось, и с этой мыслью Маркел развернулся и пошёл к своему головному есаульному стругу.

Возле струга, на сходнях, сидел караульный. Маркел спросил, где Кирюхин.

– Ходит по каравану, – ответил караульный, – крамолу ищет.

– Это хорошо, – сказал Маркел, прошёл на корабль, залез к себе в чердак, сел, посмотрел на сундук.

Сундук был надёжной работы, кованый. Маркел осторожно тронул государеву печать, её примятый левый бок, и опять подумал, что напрасно он сошёлся с Курицыным, нельзя сразу две службы делать, надо делать одну и свою. Не пойдёт он больше к Курицыну, не его это дело, да и какая

птичка-невеличка этот Курицын, да он сам кому хочешь глаза выключет! Вот с такими и другими подобными мыслями Маркел лежал у себя в чердаке и подрёмывал. Ну ещё бы! Семь дней и ночей они почти без остановок тряслись в лодке, одолели тысячу вёрст, а то, может, и больше, так что сейчас не грех и отдохнуть.

Но только Маркел так подумал, как пришёл Кирюхин, а с ним ещё кто-то, они залезли к Кирюхину в чердак и начали о чём-то тихо совещаться, потом они стали говорить всё громче, потом даже заспорили, а после Кирюхин не выдержал, заглянул к Маркелу и спросил, хорошо ли он умеет считать вслух. Маркел ответил, что смотря что.

– Тогда иди к нам, – сказал Кирюхин.

Маркел пошёл. В чердаке у Кирюхина сидел тощий сердитый человек, одетый довольно богато. Кирюхин назвал его – это был Сидор Михайлов сын Лыков, тамошний таможенный голова. С Сидором была таможенная книга, она лежала перед ним на столике, а сам Сидор держал в руке перо, а перед ним стояла чернильница.

– Сто восемнадцать кораблей, – сказал Кирюхин.

– Сто четырнадцать, – поправил его Сидор.

– Четверо ещё придут, – сказал Кирюхин. – Потом, что ли, всё с самого начала переписывать?

И повернувшись к Маркелу, сказал, чтобы тот садился. Маркел сел. Кирюхин потянулся к Сидору, молча отнял у него перо, протянул Маркелу и показал, куда записывать.

Маркел записал 114 и 4 с титлами, а чуть дальше – 118.

– Э! – только и воскликнул Сидор.

– Девять стругов по семь сажен, по полтора рубля, – продолжал Кирюхин.

– Тринадцать с полтиной, – ответил Маркел.

– Да сбор с головы по алтыну!

– Семнадцать алтын!

– Амбарщина пятнадцать лавок с прилавками, по три деньги за неделю, пять недель.

– Один рубль двенадцать копеек и одна деньга-московка.

– Да ты, как государева таможенная сажень, считаешь! – с уважением сказал Кирюхин и задумался. Потом передал Маркелу таможенную книгу и сказал, что он будет зачитывать, а Маркел записывать, сколько получится.

– А мне что делать? – спросил Сидор.

– А ты вели своим, чтобы принесли горячего, – сказал Кирюхин. – А горелого чтобы пока что не носили.

Сидор ушёл, а Маркел и Кирюхин продолжали пролистывать книгу и пересчитывать там, где было много помарок и исправлений. Сидор пришёл с людьми. Люди принесли горячего, скоромного. Перекусили, после посидели ещё с час, наверное, не меньше, и набрали лишку пять с двугривенным. Кирюхин был очень доволен! Лыков молча гневался. А у Маркела голова шла кругом. Да и уже начало темнеть! Маркел поднялся и ушёл к себе. Ему принесли овчин и постелили. Маркел снял шапку и разулся, лёг и очень быстро

задремал, а там и заснул. Но руку с сундука не убирал, а так и пролежал всю ночь на одном боку. Спать было не совсем удобно, но зато надёжно.

Утром, только начало светать, все стали разом подниматься. А Кирюхин уже ходил взад-вперёд возле струга по пристани, к нему подходили какие-то люди и о чём-то спрашивали, Кирюхин одних успокаивал, а на других покрикивал.

Потом с разных сторон зашумели:

– Идут! Идут! – и стали разбегаться по своим местам.

На площадь перед пристанью вышли стрельцы, у них начали бить в бубны. Потом как-то сразу из-за стрельцов вышел матёрый боярин в матёрой же шапке, бородатый, длинноусый, на вид очень грозный, а рядом с ним семенил Сумороков. За Сумороковым шёл поп. Потом боярин – воевода Хлопов, конечно, Тимофей Андреевич – и Сумороков расступились, поп с причтом выступил вперёд и начал службу. Все поснимали шапки, начали креститься и отвешивать поклоны. Поп махал кадилом, пели службу. Потом служба закончилась, хор отступил, Хлопов махнул рукой, на горе в кремле заиграли колокола, и все мало-помалу начали отчаливать – но по порядку.

Глава 6

А порядок был такой – впереди шёл головной есаульный струг, а на нём Кирюхин и Маркел, и сорок стрельцов на вёслах, и корабельщики, трое, потом шли корабли с товарами, их было, как вчера было посчитано, сто восемнадцать, а ещё в хвосте, на всякий случай, шёл ещё один есаульный струг со стрельцами, так называемый хвостовой есаульный струг под началом полусотенного головы Елизара Смыкова, подьесаула. То есть всего тогда из Нижнего вышло ровно сто двадцать кораблей. И все сразу повернули на Казань! Вот где было тесноты да толкотни! Вот где Кирюхин накричался, наорался и наразмахивался руками! Но, как после оказалось, он не зря орал: купцы вскоре хоть и сбились в стадо, но уже не давили один другого, не ломали вёсла, а выстроились в караван, то есть впереди шли большие и быстрые, а сзади малые и неповоротливые, за которыми тянулся, а куда ему было деваться, Смыков.

И так они шли восемь дней – через Василь-город, Козьмодемьянск, Чебоксары, Кокшайск и Свияжск. Скукотища была просто страшная. В чердаке было душно, Маркел уже давно снял шубу и укрыл ею царский сундук, а сам ходил в одном кафтане, даже, правильней, по целым дням сидел под парусом, а Кирюхин лежал у себя в чердаке, на корме, и дремал. Маркел посматривал на берега. Правый, горный берег

был тёмный, заросший, зато левый, луговой, Маркела очень радовал. Какие там были густые травы, а какие они сочные! Эх, думал Маркел, вот бы куда скотину выпустить, да вот хотя бы слона...

И смущался, отворачивался, смотрел в другую сторону, но что бы он там ни видел, ни слышал, а его мысли всё равно опять возвращались к слону. И чем ближе они подходили к Казани, тем больше Маркел думал о слоне. Ни о чём другом больше не думалось! Да и то, что думалось, была, чувствовал Маркел, такая дрянь, что лучше никому об этом не рассказывать. И он молчал, смотрел по сторонам, позёвывал, он же в Казани был уже раз десять, что ему было там высматривать? Поэтому теперь всего веселья было только то, что они с Кирюхиным, бывало, по целым дням резались в тавлеи, но и то только до той поры, пока Маркел не выиграл у Кирюхина одиннадцать рублей с полтиной – и Кирюхин сказал «хватит».

И в тот же день, то есть второго мая, на перенесение мощей благоверных князей российских Бориса и Глеба, караван прибыл в Казань. И опять началась толкотня с крикотнёй. Одни разгружались, а другие загружались, одни тащили товары к амбарам, другие в лавки, третьи на перемер, четвёртые на перевзвешивание. Кирюхин ходил гоголем, под мышкой у него была казанская таможенная книга, Кирюхин что-то важно говорил, его терпеливо слушали...

А Маркел пошёл в гору, к кремлю, или, по-татарски пра-

вильней, к кермену. Так он прошёл мимо гостиного двора, мимо таможенной избы, а дальше по Спасскому мосту к Спасским проездным воротам, но они были уже закрыты. Маркел подошёл к привратницкой, постучал условным стуком. Впривратницкой двери открылось небольшое окошко, Маркел сказал «Звенигород», ему ответили «Путивль», привратницкая дверь открылась, он вошёл.

В кремле Маркел сперва остановился и снял шапку, повернулся в сторону соборного храма Благовещения Пресвятой Богородицы и трижды перекрестился, после прочёл «Отче наш» – и уже только после этого свернул на дьячий двор. Солнце было уже далеко за полдень, Маркел спешил.

На крыльце дьячей избы стояли рынды. Маркел сказал им «Путивль». Рынды опустили бердыши и расступились. Маркел прошёл дальше. Там возле лестницы стоял стрелец, который узнал Маркела, усмехнулся и показал пальцем наверх, то есть на второй этаж. Маркел поднялся туда, повернул, где надо, сказал, как и положено, «Путивль», и его провели прямо к позолоченной двери, возле которой стоял служка в дорогих одеждах. Маркел, ничего не говоря, подал служке свою дорожную. Служка взял её, ушёл за дверь. Потом довольно быстро вышел обратно, мелко поклонился и сказал входить.

Маркел вошёл. Воевода, правильнее – первый воевода на Казани, князь Иван Михайлович Воротынский, сам из себя тучный, грозный и уже в годах, сидел у стены на лавке. Перед

князем на низеньком столике лежала Маркелова подорожная. Маркел, держа в обеих руках шапку, поклонился великим обычаем. Воротынский молчал. Маркел стоял согнувшись. Воротынский усмехнулся и спросил:

– Князя Семёна человек, так, что ли?

– Точно так, – ответил Маркел, распрямляясь.

– Что, – дальше спросил Воротынский, – опять у нас что-то не ладно, коли ты приехал?

– У вас всё ладно, – ответил Маркел, – а вот за морем не ладно.

– А что у них не так? – спросил Воротынский. И не дожидаясь ответа, продолжил: – Я слышал, тебя в кызылбаши послали, за слоном. Так это или нет?

Маркел водил глазами по сторонам и ничего не отвечал.

– Эх, ты! – безо всякого одобрения сказал Воротынский. – Ну и ладно! – И повернувшись в сторону, окликнул: —Осорин! Иди сюда!

Маркел начал считать про себя. На счёт десять вошёл Осорин, или, если тоже правильной, то первый государев на Казани дьяк Осорин Иван.

– Ваня, – сказал, повернувшись к нему, Воротынский, – это ты мне про персиянского слона рассказывал?

Осорин кивнул, что он.

– И вот человека послали, – сказал Воротынский, указывая на Маркела.

Дьяк покачал головой, насупился, сказал:

– Недоброе это дело. Великий Турка крепко обидится. Опять будет у нас с ним война.

– Из-за слона, что ли? – спросил Воротынский.

– Слон не слон, – ответил Осорин, – а Турка этого так не оставит. Опять он сюда придёт!

– Когда это он приходил сюда? – удивился Воротынский.

– Раньше не приходил, а вот теперь придёт! – дерзко ответил Осорин. – И кого мы против него выставим? Слона, что ли? Хотя он, надо признать, зверина страшная.

– А ты что, видел его? – спросил Маркел.

– Вот как тебя! – ответил Осорин. – Я тогда в Астрахани был, государь боярин посылал. Так, государь?

Так, важно кивнул государь боярин, или, правильнее, Воротынский.

– И какой он? – спросил Маркел.

– Здоровенная зверина! – сказал Осорин. – Но очень вздорная. Если ему кто-нибудь не глянется, так он того убить готов! А что ему нас убивать? Один раз наступил, и от тебя только кучка дерьма останется.

– Но-но! – строго сказал Воротынский. – Мы не в хлеву, Осорин!

– Прости великодушно, государь, – сказал, смущаясь, Осорин.

– Я-то ладно, – сказал Воротынский. – Я в жизни всякого наслушался. А ты бы лучше что-нибудь дельное человеку сказал. Человек, может, на смерть едет, так надоумил бы ты

его на что-нибудь.

– А что я? – с обидой сказал Осорин. – Я слона только один раз видел. Потом я уехал. Потом он сдох. – Тут Осорин тяжело вздохнул и прибавил: – Отпусти меня, государь боярин, мне сегодня нужно ещё три бумаги перебелить, эти же завтра уходят. – И он указал на Маркела.

– Ладно, иди, – разрешил Воротынский.

Осорин поклонился и вышел. Воротынский взял Маркелову подорожную, припечатал её печаткой, отдал Маркелу и сказал:

– Я хотел как лучше. Но какие люди стали злые, прости Господи!

И он перекрестился. Маркел перекрестился вслед за ним. Воротынский тяжело вздохнул, прибавил:

– Осорин в прошлый раз рассказывал, что есть такая страна, где одни слоны живут, а людей нет совсем. И у слонов там не житьё, а рай. Вот как Осорин рассказывал. Или это не Осорин?

Маркел молчал.

– А! – сказал Воротынский. – Иди уже! Если вспомню, после расскажу. А пока иди!

Маркел поклонился низко, потом развернулся и, не надевая шапки, вышел.

Выйдя из дьячей избы, Маркел прошёл немного и остановился. Солнце висело уже низко. Нет, подумал Маркел, в кабак он больше не пойдёт, а то вдруг опять там кого-нибудь

встретит. Я, он подумал дальше, лучше пойду сразу на корабль, куда ничего ко мне не прилипло. И он уже было повернулся уходить, как вдруг почувал, что кто-то смотрит ему в спину. Маркел обернулся и увидел стоящего у тына Родиона Збруева, тамошнего, то есть казанского, губного старосту. Збруев виновато улыбался.

– О! – строго сказал Маркел. – Вот кого я давно не видел! – И сразу же спросил: – Случилось что-нибудь?

Вместо ответа Збруев снова улыбнулся и сказал:

– Маркел Петрович! Тебя нам Бог послал!

– Зачем это? – спросил Маркел.

Збруев подошёл к Маркелу, осмотрелся по сторонам и продолжал уже негромким голосом:

– Да вот прилетели две птички. Одна кудахчет, а другая яйца носит. Которая яйца носит, у той нос крив и бровь разбита, родиною вятская, а которая кудахчет, у той на правой руке нет мизинного пальца. Таких знаешь?

– Нет, не знаю, – ответил Маркел. – Так, может, и тебе их знать не надобно?

– Может, и так, – сказал Збруев. – Да и мне что? Они завтра улетят отсюда, и мне сразу меньше забот. А вот тебе забот сразу прибавится.

– Хватит темнить, – сказал Маркел. – Рассказывай.

А сам подумал: а вот и опять прилипло, хоть никуда и не ходил!

И не ошибся! Збруев продолжал:

– Я их сразу заметил. Вороватые они какие-то! Возле кабака стояли. И с ними тележка, на ней три мешка. Старший, который с кривым носом, всё по сторонам поглядывал. А честный человек поглядывать не будет! И я один раз мимо них прошёл, второй. А после подошёл и говорю: чего везёте, голуби? А они: не твоё дело, старик. А я им сразу тогда: это мы ещё посмотрим, кто старик и кого земля раньше примет! И к голенищу!..

Тут Збруев замолчал и сделал вид, будто задумался. Маркел спросил:

– Так они, что ли, не здешние, если тебя не узнали?

– Да, не узнали, – ответил Збруев. – Потому что служба у меня такая, чтобы меня не узнавали. И я тогда дальше говорю: а это что у вас такое? Они: а тебе какое дело, ты кто такой? Я говорю: я тот, кто надо. А они: мы все здесь те, кто надо! Я думаю... Но тут вижу, идёт Гриднев Ивашка, наш новый таможенный голова. Эти двое сразу к Гридневу. И Гриднев, слышу, говорит, что всё отмечено. Тогда эти двое за свои мешки и к кораблю!

– Корабль запомнил? – спросил Маркел.

– Ну а как же! – сказал Збруев. – Малая насада. Кормщик Васька Ухов. А эти записались так: Ждан Мاستрюк, это хозяин, старший, и Фомка Змей, это его работник. Так мне Гриднев сказал уже после всего того, когда они заплатили и сели. А там, на той насаде, кроме них ещё сидят...

Маркел нетерпеливо кашлянул.

– Ладно, ладно, – сказал Збруев. – Так вот, эти пришли, сели, им их мешки сбросили, они сказали, чтобы больше не бросали, их товар воды не любит. Гриднев говорит, это конечно, развернулся и пошёл. А я за ним! И всё узнал!

Маркел молчал, ждал, когда Збруев сам всё скажет. И Збруев сказал:

– Они соль везут, ты представляешь? В Астрахань они её везут!

– Соль в Астрахань? – с удивлением переспросил Маркел.

Збруев радостно кивнул, не удержался и прибавил:

– Они туда бы ещё рыбу повезли! Рыбу в Астрахань! – и засмеялся.

– И что ты про это думаешь? – спросил Маркел.

– Что у них там никакая не соль, – сказал Збруев. – Хоть я один их мешок щупал и он скрипел, как соль! И после рука была солёная. Но это не соль, Маркел Петрович! Кто это будет туда соль возить! Да вот тебе крест, что там не соль! – И Збруев перекрестился.

Маркел помрачнел. Потом заговорил задумчиво:

– Пуд соли – это семь-восемь копеек. А за три мешка, ну, полтора рубля, может, дадут. Теперь отнимаем на рогожу, на шитьё кулей, на их набивку, на таможенные сборы, на провоз до Астрахани, туда же на харчи... И получается, они ещё должны останутся!

– Вот и я про то же! – сказал Збруев. – И поэтому это не соль.

Маркел подумал и сказал:

– Ладно, пойдём, покажешь. И наших ребят возьми. На всякий случай.

Збруев негромко свистнул. Из-за угла вышли четверо здоровых молодцов в простых кафтанах. Маркел и Збруев пошли впереди, а эти четверо за ними.

Солнце садилось. Они вышли из кремля, прошли мимо гостиного двора, или, правильнее, мимо Старого Бухарского базара, и спустились к Нижнему базару. Там, возле Булак-реки, вдоль пристани, стояли корабли. На кораблях ещё не спали. Корабельщики одни сидели у костров, а другие ходили к лавкам и от лавок и, как говорится, причащались. Збруев, таясь, начал показывать ту малую насаду и тех как будто бы купца с работником. Потом Збруев сказал, что в таможенной книге эти двое молодцов, как он их назвал, записались вологодскими, а едут они будто в Астрахань. А ещё на этой же насаде едет человек с двумя работниками, они везут конские шкуры. А ещё там трое везут лес. Лес, сказал Збруев, везут на Саратов, Саратов – это новый город, им надо много лесу, они строятся. Маркел слушал Збруева, кивал, а сам всё поглядывал на те мешки, прикидывал. Потом наконец решился и сказал вполголоса:

– Берите! В мерную избу его!

Збруев кивнул своим, они пошли за ним, взошли на ту насаду. Збруев, было видно, начал что-то говорить, размахивал руками, старший злодей поднялся, збруевские люди

сразу заломили ему руки, повели с насады. Вели двое, третий нёс мешок, Збруев шёл за третьим, а ещё один остался на насаде, возле второго, младшего злодея. Младший сидел молча, не шумел. Когда Збруев проходил мимо Маркела, Маркел повернулся и пошёл за ним. Вначале никто вокруг них внимания не обращал, и только уже потом народ стал останавливаться и смотреть на них, а то даже и спрашивать, в чём дело.

– В мерную избу ведём, – ответил на ходу Маркел. – На перевес. Соль нарочно замочили, ироды!

До мерной избы было близко. Когда они к ней подошли, Збруев постучал условным стуком, им открыли. Маркел первым вошёл в избу, велел засветить огонь и позвать Гриднева с книгой. Один из мерных сторожей пошёл за Гридневым, второй стал возиться со светом. Маркел осмотрелся. В красном углу, прямо под образами, висела государева таможенная сажень с государевой печатью, на полках вдоль стены лежали гири, стояли мерное ведро и посуды помельче, а в углу громоздились здоровенные хлебные весы-тереза с десятипудовыми чашками. Маркел сел на лавку, закинул ногу на ногу. Злодей, опустив голову, стоял помалкивал. Маркел спросил:

– Ждан Мاستрюк, нос крив и бровь разбита, родиною вятский, так?

Злодей молчал.

– А соль чья? – спросил Маркел. – Или, может, это и не соль совсем?

Злодей вздохнул и посмотрел на Маркела. Маркел подмигнул ему, сказал:

– Я, братец, про тебя всё знаю. И я сейчас всё про тебя расскажу. Я только жду, когда все сойдутся.

И обернувшись, велел, чтобы ему дали воды. Воду дали быстро. Маркел пил не спеша, поглядывал поверх кубка на злодея. После поставил кубок возле себя на лавке, посмотрел на злодейский мешок, уже лежавший на столе, среди бумаг, и опять усмехнулся.

Открылась дверь, вошёл рослый толстый человек в дорожном кафтане и с книгой под мышкой, повернулся к Маркелу и поклонился ему. Маркел кивнул в ответ. Збруев шепнул, что это Гриднев. Гриднев, тут же вспомнил Маркел, таможенный голова, ага. А Гриднев, осмелев, спросил:

– Случилось что-нибудь?

– Пока что ещё нет, – сказал Маркел.

Опять открылась дверь, вошёл Кирюхин, осмотрелся, увидел Маркела, пошёл и сел рядом с ним. Маркел встал и повернулся к Гридневу. Гриднев порылся в своей книге и прочёл, что Ждан Матрюк, родиною вятский, и при нём один работник, везёт в Астрахань соль, три мешка, восемнадцать пудов.

– Очень хорошо, – сказал Маркел. После спросил: – Вот эту соль?

И посмотрел на Матрюка. Матрюк подумал и кивнул, что эту.

Маркел хмыкнул, осмотрел мешок. Мешок был как мешок, обыкновенный, не затасканный. Маркел перевернул мешок и увидел на нём знак Соловецкого монастыря и рядом «шесть» цифирью. Это шесть пудов, подумалось. А рядом монастырский знак! Маркел мелко перекрестился, достал из-за пояса нож, осторожно надпорол у мешка один угол и посмотрел на злодея. Злодей усмеялся. Маркел надпорол сильнее, просунул руку в мешок... И вытащил оттуда полную пригоршню соли! Сбоку кто-то гадко захихикал. Маркела взяла злость, он замахнулся и изо всей силы воткнул нож в самую середину мешка! И резанул так и вот так, крест-накрест! Мешок развалился, и на стол кучей шухнул порох! Чистейший! С полпуда, не меньше! Маркел убрал нож, засунул руки в порох и стал пересыпать его сквозь пальцы. Потом повернулся к злодею, спросил:

– Что это?

Тот, ничего не говоря, пал перед Маркелом на колени. Все молчали.

– Вот так! – сказал Маркел, оглядываясь по сторонам и улыбаясь радостно. – А теперь идите все отсюда, я буду допрос снимать про государевы заповедные товары. Надо будет, позову!

И все, даже Кирюхин, молча пошли к двери. В мерной хоромине остались только Маркел да Матрюк. Маркел достал из-за пазухи целовальный крест, сунул его Матрюку и велел поцеловать. Матрюк поцеловал.

– Я... – продолжал Маркел. – Как тебя в святом крещении?

– Иван, – тихо сказал Матрьюк, но глаз не отводил.

– Я, – повторил Маркел, – раб Божий Ждан Матрьюк, в святом крещении Иван, во имя Отца и Сына и Святаго Духа обещаюсь душой не кривить, а говорить только то, что было, и что я сам видел и сам слышал, и что...

И так далее. Матрьюк повторял за ним. Потом, когда всё повторил, спросил:

– А что ещё?

– Да ты хоть бы в этом не скривил! – насмешливо сказал Маркел. – Да и куда тебе ещё кривить? И так вон какой грех на себя взял – некрещёным агарянам порох возишь!

– Я некрещёным не возил! – сказал Матрьюк.

– А тогда кому крещёному? Кто он был таков?

– Ведать не ведаю, – сказал Матрьюк. – Но он был с крестом, и он крестился.

– Может, тебе это привиделось, – сказал Маркел. – Дьявол, если искусить захочет, он тебе и не такое покажет!

Матрьюк молчал, поглядывал по сторонам. Матрьюк стоял на коленях, Маркел не видел его глаз и поэтому сказал:

– Вставай! – Тот встал. – В глаза смотри!

Матрьюк стал смотреть в глаза, но от этого легче не стало. Эх, с досадой подумал Маркел, такого крестом не проймёшь. И он ещё подумал и сказал:

– Ладно, об этом после. А пока рассказывай, откуда у тебя

эти мешки. Но как на духу рассказывай!

Мастрюк вздохнул и начал:

– Мы вологодские, я и племянник мой. Помаленьку торгуем. В прошлом году поехали на Холмогоры, за рыбьим зубом. Зуба не было. Тогда набрали мы песцовых шкурок. Шкурок было мало, просили за них дорого, по семь алтын, ну а на другое у нас и совсем деньжат не было, и мы взяли этих чёртовых песцов, привезли их к себе в Вологду, а там песцы по алтыну. А уже надо деньги отдавать, мы их и так в рост брали. И я продал по пол-алтына! А что делать? Не в кабалу же записываться. А тут ещё деверь говорит: в Устюге белка полденьги, а на Москве белка алтын! Мы поехали в Устюг, взяли там этих белок, привезли в Москву, а там белка опять пол-алтына. Ну, думаю, хоть так! Продал всех белок, посчитал деньжата, мало их! И тут один добрый человек говорит: а вот тебе ещё товар, везёшь его в Нижний, там скажу, кому продать, и он тебе за этих полмешка даст десять рублей чистыми! О, думаю, ого!..

И тут Мастрюк задумался. Маркел не удержался и спросил:

– А что было в мешке? Тоже порох?

– Не смотрел, – сказал Мастрюк. – Да я тогда на другое смотрел, что за две недели получил десять рублей! Мне раньше за год столько не платили!

– Товар товару рознь, – строго сказал Маркел. – Есть такие товары, за которые сколько ни дают, а их лучше не брать!

Но ты давай дальше рассказывай. Покуда есть чем рассказывать. Покуда язык твой не вырвали!

Мастрюк вздохнул и продолжил:

— И вот, три недели тому, приезжаем мы сюда с племянником, отдаём то, что нам было надобно отдать, нам дают за это семь рублей...

— Кто даёт? — спросил Маркел.

— Я не помню, — ответил Мастрюк и продолжил: — И вот сидим мы на постоялом дворе, это возле Старого базара, перекусываем, как вдруг подходит к нам один неприметный человек, и говорит: а что, голуби, много мне чего о вас хорошего баяли, а не хотите ли со мной стакнуться? Я говорю: а что за дело? Ну, он и рассказал про эти три мешка. Только не сказал, что в них, да я и не спрашивал.

— Почему не спрашивал? — спросил Маркел.

— Чтобы сомнений не было, — сказал Мастрюк.

— А дальше что?

— А дальше... — И Мастрюк задумался, долго молчал, покашливал, кривился, а потом сказал: — Сошлись на двадцати рублях, и ещё нам сразу выдали залог, десять рублей. И сказали надо будет ехать до Самарской луки, а там до Ведьминой косы, и там нас тот, кто надо, встретит. Он, сказали, будет такой толстый, высокий, шапка на нём огнём горит, сабля у него турецкая, булатная, ножны в золоте да в серебре, а звать его Полуект Афанасьевич. И ещё мне было сказано, что если я этих мешков не привезу, то Полуект Афанасьевич

вич меня и на том свете найдёт и с живого шкуру спустит. А привезу – даст ещё пять рублей.

– А вот теперь на колесо пойдёшь, – строго сказал Маркел.

– За что? – тихо спросил Матрюк.

– Как это за что? – удивился Маркел. – За то, что со злодеями снюхался и государевы заповедные товары им возишь.

– Я не возил ещё!..

– Но собирался! – строго перебил его Маркел. – И теперь тебе за это вначале отрубят правую руку по локоть, потом левую ногу по колено, потом левую руку по локоть, потом... И так далее. Но ещё есть время откупиться. Пойдёшь со мной на Ведьмину косу злодеев брать?! Пойдёшь или не пойдёшь?

– Убьют они меня! – чуть слышно прошептал Матрюк.

– Ну, – задумчиво сказал Маркел, – там ещё может всяко повернуться, а здесь будет наверняка. Это, как я уже говорил, сперва тебе отрубят правую руку, потом левую, потом...

И замолчал. И посмотрел на Матрюка. Матрюк тоже смотрел на Маркела, медленно помаргивал. Потом всё же сказал:

– Твоя взяла. Пойду! – и перекрестился.

Маркел улыбнулся и постучал по столу. Вошёл Збруев. Маркел кивнул на Матрюка, сказал:

– Отведите этого обратно. И три мешка соли им дайте. Только соли! И пусть едут! Так?

Матрюк мелко кивнул, развернулся, и Збруев повёл его вон. А после и Маркел оттуда вышел. Было уже темно и

тихо. Над Булаком висела луна. Маркел шёл по пристани, на душе у него было радостно. Ещё бы! Это же что получается, думал Маркел, ни Гриднев, ни Кирюхин ничего не учуяли, а они со Збруевым учуяли! И взяли! Теперь Кирюхин будет очень злой!

И примерно так оно и получилось. Когда Маркел подошёл к их стругу, там возле него стоял Кирюхин. Ждёт, сразу подумал Маркел, сейчас скажет что-нибудь поганое. И только он так подумал, как Кирюхин спросил:

– Ну и чем весь этот шум закончился?

– Какой шум? – сказал Маркел. – Никакого шума не было.

– Это для тебя его не было, – сказал Кирюхин. – А кому надо, тот всё слышал.

И больше ничего уже не говоря, он стал проходить на струг.

Маркел прошёл за ним следом. Они прошли на корму. Там Кирюхин сказал заходить и первым полез к себе. Следом за ним полез Маркел. В чердаке было темно, они с трудом устроились. После пришёл Гришка-служка, спросил, чего надо. Кирюхин назвал, чего, Гришка ушёл. Кирюхин усмехнулся и сказал:

– Думаешь Яшку поймать? Вот так сразу?

– Зачем сразу? – ответил Маркел. – Да и почему не попытаться?

– Потому что разве так пытаются? – сказал Кирюхин. – Сколько вы шуму подняли! Теперь все только о вас и гово-

рят! Теперь злодеи разве к вам полезут? А ваш этот купчик, он, думаешь, тебе правду сказывал? Да чтобы от таких правду услышать, их надо на дыбу поднимать, а так просто из него правды не вытянешь! Или совсем не нужно было его трогать. Пусть плывёт! А вы за ним поглядывайте. Вот как надо было делать по уму! А так не будет с этого добра!

Маркел на это промолчал, очень сердито. А тут сразу пришёл Гришка, принёс того и сего. Они не спеша поели, выпили, всё это молча. Маркел только один раз спросил, слышал ли Кирюхин что-нибудь про некоего Полуекта Афанасьевича, на что Кирюхин сказал, что нет, не слышал, и на этом их беседа кончилась. Потом Кирюхин стал всё чаще и громче позёвывать. Маркелу надоело это слушать, он сказал, что пора и честь знать, поднялся и полез к себе.

У себя Маркел первым делом проверил, на месте ли сундук и как там печати, потом лёг, накрылся и стал думать про здешних злодеев, что он и где о них слышал, и получалось, что почти что ничего не слышал. Надо будет это исправлять, думал Маркел, благо времени у него ещё достаточно, им же до тех мест ещё неделю плыть, не меньше. И с этой мыслью Маркел и заснул.

Глава 7

Рано утром, ещё солнце только начало подниматься, ещё туман был на реке...

Вдруг кто-то стал трепать Маркела за плечо и приговаривать:

– Маркел Петрович! Беда! Маркел Петрович, поднимайся!

Маркел открыл глаза. Рядом с ним сидел Збруев и продолжал его трепать. Маркел приподнялся на локте, спросил:

– Что такое?!

– Иди посмотри!

И Збруев полез наружу. Маркел обулся, взял саблю и шапку, вылез вслед за Збруевым и осмотрелся. Было ещё не совсем светло. Збруев уже стоял на пристани, и там было уже достаточно народу. Рядом, возле чердака, стоял помятый Кирюхин без шапки, он хотел что-то спросить, но Маркел не стал дожидаться, а быстро сошёл на пристань. Збруев пошёл вдоль берега. Маркел нагнал его, но ничего спрашивать не стал, потому что и так было ясно, куда Збруев ведёт его.

И так оно и оказалось, Маркел не ошибся – они прошли ещё немного, протолклись через толпу и подошли к уже хорошо известной им насаде, с которой они вчера ссаживали Мастрюка.

– Здесь, – сказал Збруев и остановился.

Маркел прошёл мимо него, поднялся на насаду. Там на носу стояли тамошние корабельщики, а дальше вдоль бортов купцы. Маркел вспомнил: Збруев говорил, что на насаде кроме пороха везут лес и шкуры. Маркел прошёл мимо купцов. На корме лежал Мастрюк. Мастрюк лежал очень неудобно, поджав ноги, запрокинув голову. В спине у Мастрюка торчала рукоять ножа. Маркел обернулся. Сразу за ним стоял невысокий крепкий человек в затёртой однорядке.

– Ты кто такой? – спросил Маркел.

– Ухов Василий, – сказал человек. – И это мой корабль.

– А это кто?

– Это Ждан, – сказал Ухов. – Он так по бумагам числится.

Можно уГриднева спросить.

– А где, – спросил Маркел, – Жданов племянник Фомка?

– По бумагам он не племянник, а работник, – сказал Ухов.

– Ты не умничай, – строго сказал Маркел, – а то сейчас на дыбе будешь умничать!

Ухов сразу покраснел и уже нетвёрдым голосом сказал:

– Винюсь. – И тут же продолжил: – А про его младшего я что скажу. С вечера они, когда от вас вернулись, долго ещё шушукались, потом легли. И стало тихо. Никто от нас на берег не сходил, никто к нам с берега не поднимался. А я чутко сплю! Я сразу бы услышал! А так, ещё раз говорю, всю ночь было тихо. И только когда начало светать, смотрю, а этот вот так лежит, а того нет нигде.

– Вот так этот и лежал? – спросил Маркел.

– Так истинно, – ответил Ухов.

– А эти что? – И Маркел показал на купцов и на других корабельщиков.

– Они все дрыхли!

Маркел ещё раз посмотрел на этих. Они все молчали. Маркел наклонился к Матрюку. Матрюк лежал с закрытыми глазами.

– Ты закрывал? – спросил Маркел.

– Винюсь, – сказал Ухов.

Маркел осторожно тронул нож, а после так же осторожно вытащил его и осмотрел. Нож был как нож, обыкновенный, вологодский. И племянник тоже был из Вологды. Но, тут же подумал Маркел, вологодские ножи дело привычное, с вологодскими ножами теперь полцарства ходит. И распрямылся, и, кивнув на Матрюка, велел, чтобы его снесли на берег. Ухов кликнул своих корабельщиков, они подхватили Матрюка, снесли его с насады и положили на землю. Маркел вышел вслед за ними и положил нож рядом с Матрюком. Потом ощупал Матрюка, нашёл в поясе кошель, достал его, открыл. Там было немного серебра. Маркел осмотрелся, увидел в толпе Збруева, кивнул ему и, когда Збруев подошёл, протянул ему кошель. И нож. Збруев взял то и другое.

Где-то вверху забрякали колокола. Народ задвигался и начал расходиться по своим местам. Уховские купцы и их работники тоже начали сходить с насады.

– Эй, вы куда?! – грозно сказал Маркел. – С вами ещё надо будет разобраться! А вдруг это вы человека убили? Откуда я знаю!

Купцы нехотя остановились, а один из них даже сказал сердито:

– Так что нам, теперь здесь до зимы сидеть?

– Зачем до зимы? – спросил Маркел. – Вот узнаем, кто убил, и остальных отпустим.

– А корабли уйдут!

– Ваш не уйдёт, – сказал Маркел. И повернувшись к Збруеву, продолжил: – А ты чего стоишь? Я за тебя буду служить, так, что ли? Так у меня есть своя служба!

Колокола стали звонить настойчивей. Маркел развернулся и пошёл к себе. Пройдя шагов с полсотни, он обернулся и увидел, как Збруев машет рукой и как из-за ближайшей лавки, ещё неоткрытой, к нему выходят его люди. Маркел хмыкнул, пошёл дальше. На душе было погано. Это всё из-за меня, надо было с ними человека выставлять, никого тогда бы не зарезали, думал Маркел и морщился. На пристани уже почти что никого не оставалось, все разошлись по своим кораблям. На иных кораблях уже ставили мачты.

Когда Маркел подошёл к кирюхинскому стругу, Кирюхин был ещё на берегу. Завидев подходившего Маркела, Кирюхин сразу спросил, что он там видел.

– Да передрались между собой, – сказал Маркел. – После один другому саданул под бок, и насмерть.

– Ну, может быть, – сказал Кирюхин недоверчиво.

Маркел, больше ничего не говоря, сошёл в струг, остановился и подумал, что больше он уже ни во что вступать не будет, и для крепости перекрестился. Кирюхин приказал отчаливать. Маркел смотрел на берег, на лежащего на земле Мастрюка, на стоящего над ним Збруева, который размахивал руками, а все остальные, то есть збруевские люди, равно как и люди Ухова, пытались вытащить корабль на берег, но тот был тяжеловат и подавался медленно. Надолго их здесь собираются оставить, подумал Маркел.

А колокола продолжали звонить. Потом караван повернул на Казанку, и колокола понемногу затихли. Маркел перестал оглядываться. День тогда был тёплый, солнечный, на небе было много облаков. А берега были угрюмые, густо заросшие лесом, и опять думалось только о том, что поторопился он вчера, нужно было поставить на насаду караульщика, и тогда бы никого не зарезали. А почему он торопился? Да потому, что не его это дело, оно его только отвлекало, а его дело – это слон, царь-государь его за ним послал, вот он и едет в Персию, привезёт оттуда слона, царь-государь обрадуется, скажет...

Эх, тут же подумалось, да ничего царь-государь ему не скажет, не до него будет царю, а вынесут ему полштуки шёлка бухарского да пару красных сапог кызылбашских, со скрипом, да стакан жемчуга гурмызского, да что ещё? Маркел ещё сильнее задумался.

Но тут подошёл Кирюхин, сел рядом с Маркелом и насмешливо спросил:

– Что же ты своего сотоварища бросил? Он без тебя один не справится.

– Збруев мне не сотоварищ, а слуга, – строго сказал Маркел. – И у него своё дело, а у меня своё.

Кирюхин помолчал, потом опять спросил:

– Так это что, в самом деле правда, что тебя к ним за слонком послали?

– Да, это так, – сказал Маркел. – А тебе что, разве этого не говорили?

– Ну, как бы говорили, да, – уклончиво сказал Кирюхин. – Ещё зимой говорили, когда приезжали ваши к нам. Я напрямую у них спрашивал, а они отвечали: не знаем, бояре ничего ещё не говорят. А теперь я вижу, всё давно решили.

– А чем тебе слоны не угодили, что ты на них так зол? – спросил Маркел.

– Я на слонов не зол, – сказал Кирюхин. – Мне людей своих жаль. И корабля. Расштатает эта тварь корабль и всех нас перетопит. А по берегу его вести нельзя. По берегу, твои московские сказали, он сдохнет. Ведь говорили же тебе, что нельзя его вести по берегу?

– Ну, говорили.

– А я видел, как он шёл по берегу, – сказал Кирюхин. – Он легко шёл, почти что рысью.

– Но потом ведь сдох! – сказал Маркел.

– Обкормили его, вот и сдох.

– Чем обкормили?

– А откуда мне знать? – уже сердито ответил Кирюхин. – Я же его не кормил. Я его только один раз видел, и то издалека. Его тогда по берегу вели, из Астрахани на Царицын, а мы шли на стругах из Царицына на Астрахань. Далеко его вели – может, с версту от нас. Вот такой он казался, с вершок. И он ушёл, а мы уехали. А после, когда мы обратно ехали, нам говорят: а вон видите ту горку? Так это слона там закопали.

– Где это? – спросил Маркел.

– Будем ехать мимо, покажу, – сказал Кирюхин.

Маркел задумался. Потом опять спросил:

– А что такое Ведьмина коса? И где это?

– А зачем она тебе? – сказал Кирюхин. – То дело всё равно уже пропало.

– Ну так если пропало, то чего его теперь жалеть? – сказал Маркел. – Или не знаешь?

– Как это я не знаю?! – сердито ответил Кирюхин. – Да я всё здесь знаю, по всей Волге! Каждую мель, каждый камень, каждую корягу! Да я, может, пятнадцать лет туда-сюда тут хожу!

– А Яшку видел?

– Ну, видеть не видел, – ответил Кирюхин с усмешкой, – а слышал, когда мы сидели в кустах, а он своим кричал, чтобы они лучше нас искали.

– И что, не нашли?

– Если бы тогда нашли, я здесь сейчас не сидел бы, – ответил Кирюхин. И тут же спросил: – Знаешь, почему сомы такими толстыми растут? Потому что человечиною питаются.

Маркел вздохнул. А Кирюхин опять усмехнулся, сказал:

– А как ты думал? Вот такая наша жизнь на матушке-Волге. Зазевался, и тебя сожрут.

Они помолчали. Потом Маркел спросил уже другое:

– А какая дорога до Персии?

– Самая прямая до неё дорога, – ответил Кирюхин. – Как из Астрахани выйдем, так и пойдём вдоль берега до самой Гилянской пристани, а там через горы и в Казвин, это их стольный город. Так что, – сказал, усмехаясь, Кирюхин, – нам бы только в Астрахань попасть, а там уже всё будет просто. Ну да это когда ещё будет? Может, недели через три. И вот я поэтому пока пойду да полежу маленько. А будет Астрахань, свистнешь.

И он поднялся и полез к себе в чердак. А Маркел сидел, поглядывал по сторонам. День, как и раньше, был погожий, а ветер попутный. Караван мало-помалу вышел к Волге, повернул на неё и пошёл по ней дальше. Широченная теперь была река. Смотри не смотри, ничего не увидишь, подумал Маркел, да и что на воду смотреть, всё равно ничего не выразишь. Одна Волга кругом, от края и до края. А лесу по берегам становилось всё меньше и меньше, да и сам лес мельчал. Маркел долго молчал, позёвывал, потом спросил у ближайших гребцов, и они ответили, что Волга теперь все-

гда будет такой аж до самого Саратова.

– А после будет что? – спросил Маркел.

– А после берега будут совсем пустые, одна трава, – ответили гребцы. – Но это ещё что! – продолжили они. – А после, за Царицыном, пойдут солончаки. Это такая мёртвая земля, наполовину соль. И там уже совсем нет никого. А здесь ещё хоть татарин иногда проскочит, а то и стрелу метнёт.

Маркел нахмурился. Стрельцы переглянулись, и один из них сказал, что за Царицыном зато не грабят, а грабят уже только возле самой Астрахани, в волжском устье, там, где много диких островов и плавней, а на них казаки, и этих казачков без счёта, и все воровские!

– Но до них ещё надо доплыть, – сказали гребцы. – Так что вот как пробьёмся через Самарскую луку, только тогда можно говорить про Астрахань.

А пока, прибавили стрельцы, скоро на левом берегу увидим Каму, это тоже широченная река, почти как Волга, потом справа будут наши Тетюши, это такая небольшая крепостица, а потом, дней через пять, дойдём и до Самарской луки. Лука – это когда Волга выгибается, как лук, и там на ней стоит Самара, наша новопоставленная крепость с пушками. Там можно будет остановиться, передохнуть день-другой, а после опять пойдём вдоль этой луки, только уже в другую сторону, в обратную. Но это если Яшка нас пропустит.

На что Маркел, усмехнувшись, сказал:

– Вижу, Яшка нагнал на вас страху.

Гребцы на это промолчали. Тогда Маркела взяла злость, и он сказал, что если все они будут держаться вместе, то никакой Яшка к ним не сунется.

Гребцы опять промолчали. Маркел оглянулся. Корабли, идущие за ними, сбились в кучу. Сильно робеют, подумал Маркел, ну да это не беда, робких легче караулить, потому что они не разбегаются. И Маркел ещё долго сидел у борта и поглядывал по сторонам. Но ничего приметного не виделось, ветер дул ровно, в паруса, гребцы мерно гребли. Когда начало темнеть, свернули к берегу, причалили, учредили табор, выставили караулы, развели костры и кашеварили. Ночь прошла тихо, никто к ним не лез, и утром они двинулись дальше.

Прошли мимо Камы. Теперь, вместе с камской водой, Волга стала ещё шире, берега её стали уже почти совсем не видны, и Кирюхин приказал держаться высокого, правого берега. Потом, на следующий день, остановились возле Тетюшей, оставили им пять кораблей с разным добром и пошли дальше. Шли ещё четыре дня, никто к ним не цеплялся, да они никого и не видели.

И только на пятый день под вечер они увидели у берега разбитый струг. Струг был разграблен начисто, а корабельщики лежали мёртвые. Кирюхин сказал, что это Яшка, это его места, потому что завтра будет поворот на Самарскую луку.

Так оно и случилось – на завтра с самого утра правый бе-

рег Волги всё поднимался и поднимался, и вскоре это был уже не речной берег, а самые настоящие горы. Одни, думал Маркел, называют их Самарскими, другие – Молодецкими. Волга подступает к ним, бьётся о них и резко поворачивает влево. Это очень опасное место, там много подводных камней и водоворотов. Но и останавливаться там нельзя, потому что сразу начинается толкотня и неразбериха, корабли сшибаются между собой, а тут ещё от берега, из потайных убежищ, выскакивают быстрые вёрткие лодки, а на них полно народу, народ с саблями и пиками, лодки подплывают очень быстро...

Ну, и так далее. Но Маркела это не тревожило, потому что он был уверен, что Яшка – человек рассудительный и не станет кидаться на их караван, когда увидит, сколько у них силы. Подумав так, Маркел заулыбался и ещё раз посмотрел на приближающийся каменный берег. Кирюхин тоже посмотрел туда же, потом дал отмашку. Правые гребцы стали грести в две силы, а левые, наоборот, табанили. Струг начал поворачивать вдоль берега. Маркел обернулся. Идущие за ними купцы тоже один за другим стали делать то же самое. Но кораблей было много, и поэтому первые уже давно повернули, а последние ещё даже не подошли к повороту, и где-то там же, за поворотом, последним, шёл подъесаул Смыков со своей полусотней стрельцов и двумя затинными пищалями, или, по-простому, пушками. А раз эти пушки молчат – значит, Яшка пока не высовывается, подумал Маркел и посмотрел

рел на берег. Берег был очень крутой и высокий, густо заросший лесом. Да тут можно целое войско спрятать, невольно подумалось.

И вдруг Маркел увидел брешь в горе. Гребцы уже гребли во все вёсла, брешь быстро приближалась. Маркел поднялся во весь рост, вытянул шею, и ему вдруг открылось устье небольшой реки, устье было очень узкое, ещё какое-то мгновение – и река спряталась за скалами. Струг несло дальше вдоль почти что отвесного берега, берег был ровный, как стена. Так, может быть, ему это только почудилось, растерянно подумал Маркел...

Но тут же вспомнил, что недаром говорят, будто где-то здесь и в самом деле есть река и что если войти в эту реку и проплыть по ней вверх по течению всего вёрст десять, а потом перенести корабль через переволоку, а это ещё верста, то выйдешь опять к Волге, но уже ниже по течению сразу на двести вёрст! Вот о чём тогда вспомнил Маркел, а река давно уже скрылась из виду, берег был ровный как стена, караван шёл быстро, плотно сбившись, было тихо.

А потом сразу послышалась стрельба, сперва из пищалей, а после два раза бабахнули из пушек. Все насторожились. Потом, было слышно, ещё раз стрельнули из пушек, и всё стихло. Кирюхин велел остановиться. Прошло ещё немного времени, и раздался ещё один выстрел, двойной, из пищали. Это означало «всё в порядке», и Кирюхин опять дал команду грести.

Гребли до вечера. Вечером остановились прямо на реке, встали на якорь и стояли саженьях в сорока от берега – на всякий случай. Мало-помалу подошли все купцы, а потом появился и Смыков со своими стрельцами. Кирюхин позвал Смыкова к себе, Смыков явился и сказал, что он там никого не видел, а просто велел пострелять для остротки. Стреляли по кустам, никто не отозвался.

– Так, может, там никого и не было, – сказал Кирюхин.

– Может, – не стал спорить Смыков. – А может, и были.

Кирюхин махнул рукой. Потом, когда начало смеркаться, велел выставить двойные караулы.

Ночью ничего недоброго не приключилось. Утром снова пошли дальше, а вечером Кирюхин опять велел не приближаться к берегу, а становиться на якорь посреди реки. Течение там было сильное, корабли крепко болтало, но все говорили, что так лучше. И так простояли всю ночь. Утром, когда уже стало совсем светло, пошли дальше.

И в тот же день, 12 мая, на святого Епифания Кипрского, они ближе к полудню прибыли в Самару.

Глава 8

Маркел никогда там раньше не бывал. Да это и неудивительно, потому что и самой Самары ещё совсем недавно и в помине не было. А потом, шесть лет тому назад, царь-государь велел – и воевода Засекин Григорий Осипович, князь, природный Рюрикович, взял с собой триста стрельцов, да ещё сорок пять плотов отборного строительного леса под Казанью, и мастеровых тоже набрал, конечно, и пошёл вниз по Волге, дошёл до этих мест, и там, где речка Самара впадает в Волгу, поставил крепость на восемь башен и шестнадцать пушек. А теперь день был погожий, солнечный, Маркел смотрел из-под руки туда, где на холме, в полуверсте от волжского берега, виднелся крепкий частокол, а за ним кресты на куполах. Потом слышались колокола.

– Далековато же они построились, – сказал Маркел.

– Зато надёжно, – ответил Кирюхин.

И повернувшись к гребцам, приказал подналечь. Крепость быстро приближалась. Потом, было видно, открылись въездные ворота, народ стал выходить из крепости, и там, на волжском берегу, на пристани, зажгли думы. Дымов вначале было три, но потом два огня погасили, остался один, с белым дымом. Это означало, что плывут свои. Народ от крепости шёл к берегу. Потом стало видно, это не народ, а ярославские, как их назвал Кирюхин. То есть, продолжал Кирюхин,

здесь стрельцы не местные, а, как и в Казани, годовальщики, они приезжают сюда на год, а после съезжают обратно.

— Здешние ещё не выросли, — сказал Кирюхин, — но бабы стараются. — И улыбаясь, прибавил: — А мы им для старания чего только не везём. Восемнадцать кораблей разных разностей! Ну и заповедных товаров, конечно. Если бы Яшка всё это увидел, подавился бы слюной, скотина!

Маркел весело заусмехался. Кирюхин приказал гребцам, гребцы стали поворачивать струг влево, к пристани. Там сошлось уже достаточно народа, но больше всех было стрельцов, на всякий случай. Маркел оглянулся. Караван шёл плотно и не отставал. Кирюхин показал рукой причаливать. Бросили верёвки, с пристани их подхватили. Кирюхин, обернувшись к Маркелу, сказал, что это и в самом деле ярославские, сотня Третьяка Субботина. Субботин был тут же, на пристани, и он спросил, как дела. На что Кирюхин ответил, что дела плывут, взошёл на пристань и, повернувшись к Маркелу, представил ему Субботина. Субботин поклонился на полголовы и сказал, что воевода приказал вести гостей сразу к столу, потому что стол уже накрыт.

И так и было сделано, то есть Смыков остался при караване, а Маркел и Кирюхин пошли в крепость, Субботин их сопровождал.

До крепости идти было недалеко, и это всё лугом. Трава на лугу была высоченная, в пояс, густая и сочная. Маркел, глядя на неё, невольно подумал, что здесь даже слону будет

раздолье.

Крепость стояла на широкой горке, с одной стороны от неё текла река Самара, даже, прямо сказать, речка, а с другой стояло уже наполовину высохшее болото. Но, как сказал Субботин, это место даже в самую жару до конца не пересыхает, и тут немало всякого незваного народу утопилось. Это хорошо, сказал Маркел. На что Субботин утвердительно кивнул.

Когда они повернули к крепостным воротам, опять зазвенели колокола. А когда вошли в крепость, то увидели попа с кадилом, а за ним стрельцов с пищальями «к плечу». И колокола звенели. А вот воеводы пока видно не было.

Воевода, дворянин московский Вельяминов Игнатий Григорьевич, стоял на крыльце воеводских хором и улыбался, хотя сразу было видно, что дорогие гости, как он их называл, были ему совсем не в радость. Но Вельяминов всё равно продолжил:

– К столу, гости дорогие! Небось соскучились по горячей ушнице? Или она вам уже колом в глотке?

Маркел, ничего не говоря, только развёл руками. Вельяминов громко рассмеялся, как будто ему и в самом деле было смешно, и пригласил гостей идти за ним. Они вошли в хоромы, поднялись на второй этаж и вошли в трапезную. Стол и в самом деле был уже накрыт, правда, был он не ахти какой, но Маркел, конечно, промолчал. Да у него никто ничего и не спрашивал. И даже больше того – Вельяминов его

будто бы не замечал, а, остановившись посреди трапезной, вначале поздравил Кирюхина с возвращением, а после сразу же спросил, что он им привёз на этот раз и сколько. Кирюхин начал отвечать и называть, сколько чего, Вельяминов слушал и кивал, нахваливал. Вот только котлов и топоров, сказал, больше не надо, а лучше бы ещё с десятков плотов леса, и леса покрепче.

— Ну и про то, что я тебе в прошло году говорил, не забывай, — закончил Вельяминов. — Этих, — он сказал, — чем больше привезёшь, тем лучше.

И только теперь Вельяминов наконец повернулся к Маркелу, посмотрел на него так, как будто в первый раз видит, притворно улыбнулся и спросил:

— Ну а тебя, государь мой, какая кручина сюда занесла?

Маркел подал ему подорожную. Вельяминов прочитал её, задумался, после ещё раз прочитал и уже осторожно спросил:

— Так ты сперва до Астрахани едешь, а потом ещё куда-то?

Маркел утвердительно кивнул. Вельяминов глянул на Кирюхина. Кирюхин усмехнулся, но смолчал. Тогда Вельяминов опять посмотрел на Маркела. А тот забрал у него подорожную и неспешным голосом ответил:

— Это дело государево, и не сейчас о нём рассказывать.

— Это конечно! — сказал Вельяминов. — Это даже объяснять не надо. Да и я вас не затем призвал. А вот зачем, — и указал на стол.

Они прошли к столу, расселись: Вельяминов на хозяйском месте, Маркел по правую от него руку, Кирюхин по левую. Первым делом выпили за государя, после за знакомство, после за хозяина, а там и за гостей поочерёдно, и так далее. Ну и, конечно же, закусывали – сперва постным, после начали грешить. И так же разговор был всякий. Кирюхин сказал, что восемнадцать кораблей здесь остаётся, все с товарами, надо будет расписать на всех, кто будет что брать, и Кирюхин на обратном пути заберёт эти расписки. Так же было сказано про пять новоприбывших семейств, в них семеро работников, их надо где-то расселить. Вельяминов сказал: это просто, пустых изб в крепости достаточно. Это очень хорошо, сказал Кирюхин, он это тоже на обратном пути проверит.

Ну и так далее. Под этот разговор тоже немного выпили и закусили. Время перевалило за полдень. В хоромах становилось жарко. Вельяминов приказал открыть окно. Пришёл человек и выставил окно совсем. Также Вельяминов приказал, и из подвала принесли холодного свежего кваса. И мёда! Кирюхин расшпилился и сказал, что хорошо здесь, так бы и сидел до завтра.

Но не успел он рот закрыть, как пришёл посыльный и сказал, что он от Смыкова и тот зовёт Кирюхина к себе на пристань, потому что люди расшумелись и их надо унимать. Кирюхин тяжело вздохнул, поправил шапку и вышел.

Когда Маркел и Вельяминов остались вдвоём, Вельяминов вначале молчал, а потом ещё раз спросил у Маркела по-

дорожную. Маркел дал. Вельяминов поставил в ней перстневую печать, ещё раз перечитал, потом спросил:

– Так ты в кызылбаши едешь?

– Ну, туда, – сказал Маркел, подумавши.

– Опять, что ли, за слонем? – Маркел молчал. Тогда Вельяминов прибавил: – Дался же вам этот слон. В прошлом году Федька Ряпунин за ним ездил. И тоже молчал! Я у него спрашивал, а он как не слышал. А сам смотрел в пустое место и подмигивал. Вот так!

И тут Вельяминов в самом деле показал, как моргал Ряпунин. Маркел настороженно спросил:

– Как это?

– А вот так! – ответил Вельяминов и ещё раз показал. Потом прибавил: – Ему говоришь: Феодор! А он не отзывается.

– А слон что?

– А слон ничего! Слона же тогда уже не было! Слон ещё под Саратовом сдох! Федьку привели сюда уже тогда, когда его наши подобрали. Он же в кустах валялся, как собака. И уже чуть дышал, между прочим. И как только его лихие люди не убили, не ограбили?! Тут же у нас злодеев знаешь сколько? Да их тут кишмя кишит, они под каждой корягой! И мне с ними бейся! А как биться? И чем? Ты сюда приехал и уехал, а я здесь сколько уже сажу? У меня сто пятьдесят стрельцов, а у него пятьсот!

– Как это пятьсот? – сказал Маркел. – Да говорили, сто!

– Кто говорил? – гневно спросил Вельяминов.

– Ну, говорили люди, – уже со смущением сказал Маркел.

– Да если бы сто! – сказал Вельяминов, криво усмехаясь. – Да я бы давно их всех передушил! А так пятьсот, и то это уже зимой. То есть пятьсот – это тех, кому зимой деваться некуда, вот они и сидят здесь по норам, а остальные кто куда расходятся, зимуют. Зимой на такого глянешь и не скажешь, кто это. Холоп холопом! А летом ему только попадись! И вот летом их на той, на горной стороне так и кишит. Их там сейчас, может, три тысячи! А у нас с тобой сколько? У меня сто пятьдесят. А у тебя?

Маркел ничего не ответил.

– Вот то-то и оно, – сказал, усмехаясь, Вельяминов. – И как мне с ними жить, соседствовать? А вы мне из Москвы бумаги шлёте! Вельяминов, устраши! Вельяминов, наведи порядок! Вельяминов, на дыбу их всех! А когда я прошу ещё хотя бы сотенку стрельцов, вы что мне на это отвечаете?

Маркел опять молчал. Вельяминов взял бутыль, налил по чаркам, выпил. Маркел выпил следом. Вельяминов утёрся, продолжил:

– Вот так и живём. Эта сторона Волги моя, а та злодейская. Я к ним не лезу, и они ко мне не лезут. Хотя как сказать! Вот даже на эту Пасху. Уже после крестного хода ко мне вдруг бегут, говорят: государь Игнат Григорьевич, как быть, эти приехали! Кто, спрашиваю. Да как кто, отвечают, эти и приехали, две лодки, лодки внизу оставили, а сами идут к крепости, ворота закрывать? Я спрашиваю: с сабля-

ми? Нет, отвечают, без сабель, так закрывать или нет? И я подумал, говорю, нет, это будет грех, не закрывайте. И они пришли. Вошли в церковь, поснимали шапки, поклонились. Отец Емельян глянул на них и как служил, так и служит. Как будто ему такие гости каждый день! А они постояли, послушали, перекрестились, поставили по свечке и ушли. И никого не тронули! Вот так.

– Свечки большие ставили? – спросил Маркел.

Вельяминов утвердительно кивнул.

– И Яшка с ними был?

Вельяминов ещё раз кивнул.

– Какой он из себя?

– Темно было, я не рассмотрел, – ответил Вельяминов.

Маркел понимающе вздохнул, но вслух ничего не сказал.

А Вельяминов продолжил:

– Вот такая наша жизнь. Вот так приходится вертеться, и это не только на Пасху. Так что если хочешь мне добра, то скажи Щелкалову, что пусть возьмёт у государя ещё хотя бы три сотни стрельцов и даст мне сюда. А то вон на Терек дали же, а где тот Терек, а где я? А так было бы у меня своих сто пятьдесят да ещё триста щелкаловских, я тогда бы Яшке показал, куда Макар телят гоняет! И ты бы у меня не спрашивал, каков он из себя, а я бы привёз его в Москву в железах и сказал бы: вот он из себя каков, этот злодей Иаков Семиглазый!

– А Семиглазый почему? – спросил Маркел.

– Потому что он всё видит! – сказал Вельяминов. – Но только и это враньё! Ничего он не видит! Видит его бабка, зловредная Фёкла, вот эта в самом деле видит всё и всё чувствует, Яшка с ней всегда советуется, и как она скажет, так он и делает. Вот кого нужно на дыбу поднимать, а потом на колесо её, гадюку Жигулиху!

– Кого-кого? – переспросил Маркел.

– Жигулиху, – сказал Вельяминов. – Это так все её зовут: Жигулиха, и все тамошние горы называют Жигулихино ведьмино царство.

– А Ведьмина коса – это тогда что такое? – спросил Маркел.

– Какая у неё коса, – насмешливо ответил Вельяминов. – Она лысая! – И тут Вельяминов даже засмеялся, но почти сразу же опомнился, опять стал серьёзным и спросил: – А где ты слышал про Ведьмину косу?

– Ну, – нехотя сказал Маркел, – было одно такое дело этой весной в Казани. Объявился там один человек, покупал некий товар и обещал за него щедро расплатиться, но уже не в Казани, а где-то здесь, в этих местах, на Самарской луке, на Ведьминой, он так сказал, косе.

– А, – подумав, сказал Вельяминов, – понятно. И где сейчас тот человек?

– Пропал, – сказал Маркел.

– А те, у кого он покупал, они где?

– Одного той же ночью зарезали, – сказал Маркел, – а вто-

рой как сквозь землю провалился.

Вельяминов нахмурился, подумал и сказал:

– Я думаю, что это Яшкины дела. И Яшкины же люди. А что был за товар?

– Заповедный.

– И это порох! – сказал Вельяминов. – У Яшки недостача пороха. Да и кто ещё на Ведьминой косе хозяин, как не он! Да и во всех других местах! Никого он нигде не боится! Ну, только если Порфирия Павловича.

– А кто такой Порфирий Павлович? – спросил Маркел.

– О, до него отсюда ещё очень далеко, – весело ответил Вельяминов. – Это нужно, уже за Саратовом, слоною могилу миновать, и вот уже тогда начнутся Порфирия Павловича места. А места какие, прости господи, голодные! Один ковыль! Вот и лютует Порфирий Павлович, обирает проезжих людей дочиста! А кто не обирается, тех режет под корень! Ну, да и вы не с пустыми руками, – тут же прибавил Вельяминов, – у вас же четыре пушки, а пушек Порфирий Павлович ох как не любит! Так что вы про пушки не забудьте!

Маркел сказал, что не забудут. И тут Вельяминов только открыл рот, чтобы ещё что-то сказать, как вдруг за окном закричали, а потом как будто успокоились.

– О! – сразу сказал Вельяминов. – И верно! Чего мы здесь сидим? Пойдём, а то люди уже расшумелись.

И он первым встал из-за стола. Маркел встал за ним, и они

пошли из трапезной.

Когда они вышли на крыльцо, то увидели, что на крепостном дворе полно народу и этот народ таскает грузы и товары. Но таскает он их не через главные, так называемые Большие Волжские ворота, а через вторые, малые, так называемые Ближние Самарские. Вот Вельяминов туда и пошёл, на ходу покрикивая, что не так несут и не туда. А Маркел, сойдя с крыльца, остановился, посмотрел на всю эту толкотню и суету, подумал, что теперь здесь и без него легко обойдутся, развернулся и пошёл к Волжским воротам. Никто его не останавливал и ни о чём не спрашивал.

Выйдя из крепости, Маркел пошёл обратно полем. Теперь, когда он осматривался, ему хорошо были видны обе пристани, Волжская и Самарская, и что их караван теперь стоит, разделившись надвое. То есть те корабли, которым надо будет идти дальше, остались на Волжской пристани, а корабли с самарскими товарами поднялись вверх по Самаре и теперь стоят на ближней к городу Самарской пристани, возле них толпится и шумит народ, и где-то там, среди них, покрикивает Вельяминов.

А на Волжской пристани было затишье. Подойдя к ней ещё ближе, Маркел увидел, что народ там сошёл с кораблей на берег, учредил табор и развёл костры. А Кирюхина нигде у костров видно не было. Маркел сразу пошёл к стругу.

И он не ошибся. Кирюхин лежал у себя в чердаке. Увидев заглянувшего к нему Маркела, Кирюхин спросил, как в кре-

пости дела. Маркел залез в чердак, сел на свободную лавку и ответил, что дела делаются, Вельяминов всем доволен и можно плыть дальше. На что Кирюхин сказал, что надо дать людям отдохнуть хотя бы один день, потому что дальше, до самого Саратова, отдыхать будет негде.

– А кто такой Порфирий Павлович? – спросил Маркел.

– Я о таких не слыхивал, – строгим голосом сказал Кирюхин.

Маркел усмехнулся. Тогда Кирюхин разозлился и спросил:

– Может, ты ещё про ведьму Фёклу Жигулиху спросишь?

– А что? – спросил Маркел. – Про неё тоже одна брехня?

– Вот когда я её увижу, тогда и поверю, а так нет! – сказал Кирюхин. – Так что давай лучше в тавлеи срежемся!

– Девять рублей моих! – сразу сказал Маркел.

– Даже хоть девять с полтиной! Неси доску!

Маркел принёс, они сели и играли до самого темна. Маркел вначале выиграл ещё рубль с полтиной, но Кирюхин сильно разозлился, стал ругаться, и Маркел поддался на рубль, а потом ещё на два. Кирюхин как дитя обрадовался, начал хвалиться, и Маркел опять взялся играть всерьёз, но время было уже позднее, на доске ничего видно не было, и пришлось согласиться на мировую.

Ночью Маркел спал неважно, ворочался, ему снилась всякая дрянь, то есть он плыл по Волге, сапоги на нём были тяжёлые и так и тянули ко дну, а до берега было ещё очень да-

леко, и с берега выл слон, хотя самого его видно не было, но кому другому было ещё так реветь, как гром? Утром Маркел проснулся злой, невыспавшийся, от города слышался колокольный звон, а вот сам Вельяминов провожать их не пришёл. Пришёл только тамошний государев дьяк, Степан Филонович Тюхин, и сказал, чтобы они были настороже, потому что знающие люди им сказали, что здесь, где-то здесь рядом, ходит Яшка.

– Какой Яшка? – спросил Маркел. – Внук ведьмы Жигулихи, что ли?

На что Тюхин разозлился и ответил, что он не знает, чей внук Яшка, а он только знает то, что им лучше близко к берегу не подплывать, а держаться стрежня. После чего Тюхин сошёл со струга, тюхинские, правильней, конечно, вельяминовские стрельцы оттолкнули их струг от причала, кирюхинские стрельцы одни сели к вёслам, другие поставили мачту и парус, и струг поплыл вниз по Волге, а за ним поплыли купеческие корабли, их теперь оставалось восемьдесят два, сказал Кирюхин, а за купцами плыл струг подьесаула Елизара Смыкова.

И так они плыли полдня. Волга опять стала поворачивать направо, течение убыстрилось и сбилось к горному берегу, про который Тюхин говорил, чтобы они его опасались. Но сколько Маркел ни смотрел на тот берег, ничего опасного он в нём не видел. Берег был как берег, зелёный, заросший, и никого там, конечно, не было, думал Маркел, потому что там

же сколько ни смотри, нигде листик не дрогнет, паутинка не шевельнётся, ветерок не дунет...

И вдруг в чаще что-то сверкнуло, как пищальный ствол, Маркел пригнулся, грохнул одиночный выстрел, с Маркела сбило шапку, он упал, Кирюхин заорал: «Право гребни, отходим!», а Маркелу приказал лежать.

И Маркел ещё долго лежал, пока они как следует не отошли от берега. Только тогда Маркел поднялся, поднял шапку, засмеялся и сказал:

– Чуть не попали!

И уже хотел было надеть шапку обратно, как вдруг Кирюхин сказал:

– А дай мне!

Маркел протянул ему шапку. Кирюхин рассмотрел её и так и сяк, а после усмехнулся и сказал:

– Это тебе, Маркел Петрович, Яшка Семиглазый поклон прислал.

– Как это так? – спросил Маркел.

– А вот смотри! – сказал Кирюхин.

И показал Маркелу его шапку. В шапке было две дыры: одна прямо на лбу, вторая на затылке. Так что это, подумал Маркел, пуля через голову прошла, так, что ли? И он посмотрел на Кирюхина. Кирюхин молчал. Маркела взяла злость, и он сказал:

– Да это ведьмовство какое-то!

– Похоже, так оно и есть, – сказал Кирюхин.

– Так что мне теперь, – в сердцах сказал Маркел, – ходить простоволосым, как холоп?

И надел шапку, поправил её, посмотрел на берег и подумал, что целили в шапку – и в шапку попали, а будут целить в лоб – и наклониться не успеешь! И перекрестился.

Глава 9

И больше ничего приметного в тот день не приключалось. Также и в последующие дни, то есть до самого Саратова, они тоже никого не встречали. Правда, это только днём было так тихо и пусто, а как только наступала ночь и они приставали к берегу, на другой стороне Волги становились видны чьи-то костры, слышались обрывки песен, а то даже стрельба из пищали. И ещё жара тогда стояла просто нестерпимая что днём, что ночью. Маркел почти не вылезал из своего чердака, лежал в тенике и скучал смертной скукой. Так продолжалось день за днём, ветер дул встречный, южный, стрельцы чуть гребли, и поэтому только на восьмой день, на Алексия, митрополита Московского, всея Руси чудотворца, с кораблей увидели Саратов.

Саратов оказался очень похожим на Самару – тоже такой же недавно поставленный, и тоже на горе, тоже на восемь башен с пушками и обнесённый высоченным тыном, вот только он стоял не в поле, а на самом берегу, над пристанью. На пристани были видны стрельцы, Кирюхин сказал, что это костромские, сотника Свиридова, то есть тоже годовальщики, как и в Самаре. Костромские стали разжигать дымы. От города ударили в колокола. Маркел смотрел из-под руки, по-маргивал. Кирюхин засмеялся и сказал, что здесь ничего не выразишь, просто ещё одна Самара, вот и всё.

Вскоре так оно и оказалось. Караван пристал к берегу, народ начал спускаться по сходням, выносить товары, если это были те корабли, которые шли до Саратова, а остальные просто чалились. Маркел и Кирюхин спустились на берег. Маркел осмотрелся и пошёл вверх, к крепости, а Кирюхин идти отказался, сказал, что у него ещё много чего надо здесь переделать. Ну ещё бы, подумал Маркел, как же это он бросит Свиридова, – и вошёл в крепостные ворота.

На крепостном дворе Маркел показал подорожную, и его сразу проводили в дьячую избу. Только, сказали, дьяка нет, дьяк внизу, у воды, а государь воевода на месте. Маркел поднялся на крыльцо, прошёл через сени. Караульный стрелец стукнул в дверь. Из-за двери покашляли. Маркел вошёл и поклонился в пояс, распрямился, назвал себя, подошёл к столу и подал подорожную.

Государь воевода, Лодыгин Борис Владимирович, матёрый дворянин московский, взял подорожную, нахмурился, повернулся к окну и прислушался, потом спросил:

– Это твои шумят?

Маркел кивнул, что его.

– Великие дела затеяны! – сказал Лодыгин важным голосом.

Маркел ещё раз кивнул. Лодыгин опять посмотрел в подорожную, начал читать её, долго читал, потом положил на стол, задумался.

– Я еду в Персию, – сказал Маркел.

Лодыгин улыбнулся.

– Я за слоном, – продолжил Маркел. – Тамошний шах нашему царю слона подарил, вот меня за этим слоном и послали.

– Знаем, знаем, – ответил Лодыгин, продолжая улыбаться. – В прошлом году один уже съездил.

– И что? – спросил Маркел.

– Не велено рассказывать, – сказал Лодыгин. – Человек ещё в расспросе. Вот кончится расспрос, тогда расскажем.

– А пока что? – спросил Маркел.

– А пока от вас только одна беда, – ответил Лодыгин уже без улыбки. – В тихом месте струги тонут. Народ на реку не выгнать!

– Из-за чего это? – спросил Маркел.

– Да из-за таких, как ты! – уже в сердцах сказал Лодыгин. – Отравили слона, и он сдох! И тот, кто отравил его, теперь в расспросе. Расспрос кончится, и расскажу. А пока...

И он опять посмотрел в подорожную, потом перевернул её на другую сторону, прочитал, что там написано, посмотрел на Маркела, согласно кивнул и поставил печатку. Маркел подступил к столу и забрал подорожную. Лодыгин покосился на окно, послушал шум во дворе и спросил, много ли привезено железа и, что ещё важнее, сказал он, привезли ли кузнеца толкового. Маркел сказал, что привезли. Лодыгин этому очень обрадовался и широко перекрестился. Потом стал

спрашивать и про другие товары и мастеровых, и про незамужних крепких девок тоже. Маркел ответил, что про этих тоже не забыли. Лодыгин ещё больше обрадовался и сказал, что много на свете разных добрых дел, но люди почему-то лезут добывать слонов, а другим людям тогда хоть топись.

– Так ведь и топятся! – сказал он гневно. – И всё из-за таких, как ты! Ладно, пойдём, люди уже, наверное, пять раз нас заждались!

Они вышли из избы. Народу на площади было полно, не меньше, чем в Самаре. А всем заправлял кирюхинский подъесаул Смыков, он был с есаульской книгой, тут же рядом с ним вертелся саратовский таможенный голова Серафим, а как он по фамилии, Маркел забыл. Лодыгин тут же подошёл к ним, начал спрашивать. Они взялись отвечать, Лодыгин слушал их внимательно, потом велел идти показывать. Они пошли к амбарам.

А Маркел развернулся и пошёл обратно к пристани.

Когда он туда пришёл и поднялся на струг, то увидел, что он не ошибся, а Кирюхин и Свиридов и в самом деле сидят у Кирюхина в чердаке и понемногу выпивают. Кирюхин сразу же позвал Маркела. Маркел залез к ним.

– Чего ты такой невесёлый? – спросил Кирюхин.

– Да вот с воеводой побеседовал, – сказал Маркел.

– Небось про слона выпрашивал, – сказал Кирюхин.

Маркел на это промолчал. Свиридов засмеялся и сказал:

– А он про это не любит! Тут же, вы бы только знали,

сколько тогда шуму было! Слон издох! Царский подарок! Ну а мы к этому каким боком были? Да никаким! Да мы того слона и не видели! Он же ещё вон где сдох! Тридцать вёрст до нас не доходя, напротив Бабьего острова. Будете вниз плыть, увидите.

– А от чего он сдох? – спросил Маркел.

– Да кто его знает, – ответил Свиридов. – Скотина разве скажет? Скотина молчит. Ряпунин его вёл, вот у Ряпунина и надо спрашивать. А так люди болтают всякое. Говорят, он каменной травы наелся. Резать стало в брюхе. Орал так, что даже у нас здесь было слышно. Потом сдох. Они три дня яму копали, пока выкопали. После навалили сверху камень, чтобы не вставал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.